

Зильке Ламбек Кудда пропач Господин Розочка?

Зильке
Ламбек
иллюстрации
Карстена Тайха

Кудда пропач ГОСПОДИН РОЗОЧКА?

КомпасГид
издательский дом

...И тут раздался звонок в дверь.

— Посмотри-ка, Мориц, кто там, — попросил папа, и Мориц побежал к двери.

Ему пришлось повозиться с задвижкой, а потом отпирать замок, и, когда он всё это проделал, за дверью уже никого не было. Он услышал только торопливые шаги на лестнице, а потом внизу хлопнула дверь подъезда. Мориц сначала и не заметил маленький свёрток, который лежал на коврик перед дверью. На нём было написано: *«Господину Морицу Фройденрайху, лично»*.

В свёртке оказалась синяя коробочка. Внутри на красном бархате лежал светло-синий стеклянный шарик. Он был довольно крупный, и, когда Мориц достал его, шарик очень удобно уместился в ладони. Больше всего он был похож на летнее небо с маленькими белыми облачками.

— Кто же мне его подарил? — вслух раздумывал Мориц.

ISBN 978-5-00083-292-9

9 785000 832929

EAC

Зильке Ламбек

КУДА ПРОПАЛ ГОСПОДИН РОЗОЧКА?

Издано при финансовой поддержке Немецкого
культурного центра им. Гёте (Института
им. Гёте) при Германском посольстве в Москве

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6
Л21

Перевод с немецкого Татьяны Набатниковой
Иллюстрации Карстена Тайха

Ламбек, Зильке.

Л21 Куда пропал господин Розочка? : [для мл. шк. возраста : 0+] / Зильке Ламбек ;
[пер. с нем. Т. Набатниковой ; ил. К. Тайха]. — М. : КомпасГид, 2017. — 264 с. : ил. —
ISBN 978-5-00083-292-9.

Во всей Германии не отыскать человека более таинственного и удивительного, чем господин Розочка. Потому, вероятно, истории о нём так полюбили читатели во всём мире. И вот она — долгожданная финальная часть его приключений. Да и как не ждать с нетерпением книги, в которой маленькие чудеса случаются повсеместно, делая будни похожими на сказку?

Десятилетний Мориц растерян: куда подевался неунывающий старичок, с которым он так сдружился? В своём почтенном возрасте господин Розочка энергичен, весел, полон желания уберечь всех вокруг от бед — уж с ним-то самим не могло ничего случиться! Должно быть какое-то объяснение его исчезновению, верно? Хотя бы фантастическое? Да-да, вы же помните, что от господина Розочки можно ждать чего угодно!

Но и без чудакватого соседа жизнь мальчика бьёт ключом: у него появляется новый друг Сильвио, он волшебным образом мирится с главным школьным хулиганом Штефаном, а ещё... ещё в комнате Морица теперь живёт самый настоящий тигр! Самый настоящий, только ручной — спасённый от назойливых фотографов в парке, когда из кармана Морица выкатился стеклянный шарик... Какой такой шарик? Постойте, не всё сразу! Читайте и узнаете!

Книга немецкой писательницы Зильке Ламбек «Господин Розочка» удостоилась престижной французской премии «Хронос» в 2009 году. Вторая и третья части сохранили дух той повести, её особую светлую атмосферу и привели сюжет к логичному завершению. Финал трилогии не оставит равнодушным ни ровесников Морица, ни тех, кто по возрасту ближе к господину Розочке!

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства.

Интересы издательства «КомпасГид» представляет ООО «Юридическое агентство Копирайт» (www.juragent.ru).

Originally published as «Wo bleibt Herr Röslein» by Silke Lambeck

© 2010 BV Berlin Verlag GmbH. All rights reserved by Bloomsbury Verlag GmbH
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», издание на русском языке, 2017

ISBN 978-5-00083-292-9

У МОРИЦА НОВЫЙ ДРУГ

Мориц бежал по школьному двору. Четвёртый урок, математика, начался ещё пять минут назад, а господин Нойвирт всегда очень строг. Но Мориц был в спортзале свои кроссовки. Они, во-первых, совсем новые, а во-вторых, куплены наполовину на его собственные карманные деньги. Чёрные кроссовки с золотыми полосками. Он не один месяц любовался ими в витрине магазина, пока не накопил на покупку. Глупо будет их потерять!

Дверь в раздевалку была открыта, и он, к счастью, сразу же увидел свои кроссовки: они стояли под скамейкой, целые и невредимые. Он схватил их и уже направился к выходу, как вдруг услышал какие-то приглушённые звуки. Они исходили из глубины раздевалки и были похожи на всхлипывания. Мориц обернулся и пригляделся. На последней скамейке, в тёмном углу сидел мальчик, уткнувшись лицом в ладони.

Подойдя ближе, Мориц узнал его. Это был Сильвио из четвёртого «А» — они встречались на общих уроках физкультуры. Мориц до этого уже играл с Сильвио в футбол, и тот ему нравился, хотя два или три раза на глазах у Морица выходил из себя — промахнувшись по мячу или обидевшись на кого-то. Это было неприятно, но Сильвио хотя бы не издевался над другими, как это делал Штефан Рабентраут, одноклассник Морица.

— Эй, Сильвио, — окликнул его Мориц.

Тот поднял голову, но ничего не ответил. Лицо его было бледным и выражало отчаяние. По щекам текли слёзы.

— Что случилось? — спросил Мориц.

— У меня пропали ботинки, — сказал Сильвио охрипшим голосом, и тут Мориц заметил, что мальчик сидит в одних носках.

— Да не могли они никуда пропасть. Давай поищем вместе, — предложил Мориц, с тревогой подумав про математику и господина Нойвирта. — Я вот тоже забыл тут кроссовки.

— Но я-то не забыл ботинки, — ответил Сильвио. — Наверное, их кто-то взял.

— Как они выглядели?

— Синего цвета. И... — тут Сильвио снова расплакался, — ...они были совсем новые.

— Может, кто-то подшутил и спрятал их в каком-нибудь закутке? — предположил Мориц.

Вдвоём они обыскали душную, пропахшую потом раздевалку. Проверили все углы, заглянули в ящик для забытых вещей и перебрали коробки, составленные штабелем у стены. Ботинок не было.

— Боже мой, что же мне теперь делать, — бормотал Сильвио себе под нос. Он снова сел на скамью и закрыл лицо руками.

— Ну, ты мог бы пока надеть свои кроссовки, — предложил Мориц. — А потом скажи в секретариате. Может, твои ботинки найдутся в другом месте.

— У меня нет кроссовок, я на физкультуре всегда босиком, — ответил Сильвио.

— Тогда... — Мориц какое-то время боролся с собой, глядя на свои новые красивые кроссовки. — Какой у тебя размер? Тоже 35-й? — Сильвио кивнул. — Тогда надень мои, а завтра вернёшь.

— Ага, а что скажет отец?! — с отчаянием воскликнул Сильвио. — Он подумает, что я засунул их куда-то, и... — Он не смог договорить, его сотрясали рыдания.

Мориц сел рядом и положил ладонь ему на спину, не зная, как быть.

В этот момент распахнулась дверь раздевалки, и вошёл Оле.

— А, вот ты где! — крикнул он, подходя к Морицу и Сильвио. — Господин Нойвирт послал меня за тобой! Он страшно сердит! Не миновать тебе записи в журнал... — Тут он осёкся и посмотрел на Сильвио: — Что случилось?

— У Сильвио ботинки пропали, мы обыскали уже все углы, — объяснил Мориц.

— Да бросьте вы, кому нужны чужие ботинки... — Оле снова осёкся и посмотрел на Морица.

У обоих возникла одна и та же мысль.

— На такое способен только один человек, — сказал Мориц. — Штефан Рабентраут.

Ещё несколько минут ушло на то, чтобы Сильвио успокоился — настолько, что смог вернуться к себе в класс в кроссовках Морица. Мориц с грустью

смотрел ему вслед. Шёл дождь. Его кроссовки явно не станут лучше, если в них пройти по улице в такую погоду... Но Сильвио пообещал быть очень аккуратным.

Когда они вернулись в класс, половина урока уже прошла.

— Я рад тебя видеть, Мориц, — сказал господин Нойвирт. — Как приятно, что ты пожелал ещё и в уроке поучаствовать.

— Но... — начал Мориц.

— Все объяснения — на перемене, — прервал его господин Нойвирт.

Но перемену учитель использовал не для того, чтобы выслушать объяснения Морица, а чтобы прочитать ему лекцию об опозданиях.

— В школе действует не так много правил, — сказал господин Нойвирт. — Одно из этих правил гласит, что ученик должен являться на урок вовремя. Если он не делает этого, ему записывается замечание в классный журнал.

Он тут же взял ручку и начал писать.
— Но... — хотел было возразить Мо-
риц, но тут вспомнил, что сейчас са-
мое время вместе с Оле поискать Ште-
фана Рабентраута. Не так уж страшно
было замечание, записанное в классный
журнал.

Он сказал:

— О'кей. Я больше не буду.

И выбежал из класса, оставив госпо-
дина Нойвирта в полном недоумении.

В углу школьного двора Оле кричал
на Штефана Рабентраута, а тот стоял
перед ним, широко ухмыляясь.

— Ах, малыш Сильвио потерял свои
башмаки-и?.. — издевательским тоном
протянул Штефан. — Ах, какая жалость,
правда, Мирко? — Он толкнул свое-
го друга Мирко Шульце локтем в бок.
Мирко смотрел себе под ноги. — Со-
всем новые ботинки — и пропали. Ай-
яй-яй. Но при чём здесь я?

— Да никто кроме тебя не способен
украсть ботинки! — прошипел Оле.

Тут Мориц подошёл и встал рядом с Оле.

— А вот и наш крошка Мориц! — воскликнул Штефан Рабентраут. — А ты-то хорошо смотришь за своими кроссовками?

Штефан был выше, и Морицу, к сожалению, приходилось смотреть на него снизу вверх. Мориц вкладывал в свой взгляд как можно больше презрения. И пытался сохранять спокойствие.

— Штефан, — сказал он, — у Сильвио дома будут большие неприятности, ему попадёт от отца, если его ботинки не найдутся.

На секунду Морицу показалось, что по лицу Штефана пробежала тень раскаяния. Но тем громче Штефан сказал после этого:

— Ну-ну, тогда на его месте я поискал бы получше. — Он повернулся к Мирко: — Пошли, надоело слушать это нытьё.

Оле хотел броситься за Штефаном, но Мориц удержал его:

— Что ты можешь сделать? Вот если бы у нас были доказательства... Тогда он наконец вылетел бы из школы.

После драки на школьном дворе директриса, доктор Хансман, пригрозила

Штефану исключением из школы. Мориц и Оле точно это знали, ведь именно с ними Штефан тогда и подрался.

Оле пожал плечами и пнул камешек, подвернувшийся ему на дороге.

— Он просто идиот!

— Интересно, где он мог спрятать ботинки? — раздумывал Мориц вслух, пока они возвращались в класс. — В спортзале мы обыскали всё...

На следующем уроке раздумья пришлось прервать. Госпожа Майер внезапно устроила контрольную по английскому языку. Морицу казалось, что у него всё получается, но перед тем как сдать работу, он обнаружил у себя две ошибки.

— Вот чёрт, — сказал он Оле, когда они шли домой. — Мне кажется, там ещё больше ошибок.

— Ну и пусть, — ответил Оле. — Сама виновата — заставляет нас писать контрольную без подготовки.

Как будто, если Мориц провалит контрольную, это станет проблемой госпожи Майер!

Когда Мориц пришёл домой, в квартире было пусто. Папа отправился на собеседование с работодателем, который собирался заключить с ним контракт на концерт, а Тим был в семейном детском саду. Мориц прихватил кусок хлеба, взял яблоко из корзинки с фруктами и пошёл в свою комнату. На еду и уроки оставалось не так много времени — в три часа начинались занятия в спортивной секции.

Мориц нехотя достал из портфеля тетрадь по математике и начал записывать в столбик дроби, с грустью вспоминая о том дне, когда он договорился с господином Розочкой о встрече и все его уроки как по волшебству оказались уже сделанными. Теперь, к сожалению, приходилось всё делать самому.

Господин Розочка уже несколько недель был в отъезде, и даже Альфонс Мейербер

не знал, когда он вернётся. В последний раз Мориц видел его как раз у Альфонса, когда папа играл свой «Концерт для домашней свиньи». В тот вечер господин Розочка внезапно уехал — «по неотложному делу в Мали», как он сказал.

Мориц оторвался от размышлений и взглянул в окно на башенные часы. Было уже без четверти три. Он схватил спортивный рюкзак, кинул туда старые кроссовки, помятую майку и бросился бежать.

В этот день они впервые после зимы тренировались не в зале, а на школьном дворе. Ещё не потеплело по-настоящему, но когда двигаешься — терпимо. Сперва они пробежали три круга по двору, потом упражнялись в прыжках в длину, а под конец занялись метанием мяча. Мориц был в хорошей форме, и его мяч улетел так далеко, что угодил в мусорный бак на другой стороне школьного двора. Он побежал за ним и неожиданно кое-что обнаружил. На дне мусорного

бака, под гнилыми банановыми шкурками и объедками, лежали ботинки. Синие ботинки, которые до сегодняшнего дня, возможно, и выглядели совершенно новыми.

МОРИЦ ПОЛУЧАЕТ ПОДАРОК

Мориц хотел поскорее вернуть ботинки. Адрес и фамилию Сильвио ему сообщил по телефону Мехмет из спортивной секции, знавший Сильвио ещё с детского сада. Но Мориц не был уверен, где именно находится Садовая улица, и надеялся, что папа подвезёт его на машине.

Он сидел за кухонным столом в ожидании папы и Тима, которые должны были появиться с минуты на минуту. Ботинки он кое-как почистил, но несколько пятен осталось.

Наконец Мориц услышал, как в замочную скважину вставили ключ, и побежал к двери. Тим бросился ему навстречу, раскрыв объятия.

— Привет, папа, привет, Тим, — сказал Мориц. — Не раздевайтесь, нам надо бы съездить в одно место.

— Ох, нет, — ответил папа. — Я еле держусь на ногах. Целый день в разъездах. А куда ты хотел?

Мориц быстро рассказал ему историю с ботинками Сильвио, а также то, что он одолжил ему свои собственные кроссовки.

— Сейчас гляну на карту, — решил папа.

Садовая улица оказалась сразу за городским парком.

— Хорошо, я отвезу тебя. Но ботинки сам занесёшь, ладно?

Мориц кивнул.

Садовая улица находилась в районе типовых домиков, примыкающих друг к другу; одинаковые фасады, выкрашенные в бежевый цвет, одинаковые палисадники перед входом, в которых сейчас цвели только первые анютины глазки и примулы. Перед каждым домом слева или справа стояла машина, а поскольку приближалась Пасха, на большинстве дверей висели веночки, украшенные пасхальными яйцами или жёлтыми цыплятами.

Дом 27 находился как раз в середине ряда. Папа выпустил Морица из машины и сказал:

— Сильвио наверняка обрадуется и захочет с тобой поболтать. Так что я пока проеду вверх по улице, куплю молока.

Пока Мориц прошёл по дорожке и поднялся на крыльцо, папа уже уехал. Ботинки Мориц держал в руках.

На дверной табличке было написано: «Пиннеберг». Мориц нажал кнопку звонка. Минуту спустя дверь открылась, и перед Морицем предстал Сильвио. Выглядел он очень странно. Одна половина лица была толще другой и красная, а глаза опухли — видно, от слёз. Но при виде Морица он просиял.

— Вот, — сказал Мориц, протягивая ему ботинки. — Они были в мусорном баке на школьном дворе.

В этот момент за спиной Сильвио возник мужчина и отодвинул его в сторону. Он был высокий и тощий и выглядел очень сердитым.

— Что такое?! — крикнул он, вырывая ботинки из рук растерянного Морица. — Это ты их украл?

— Нет, я... — начал было Мориц, но мужчина не слушал его.

— Все в грязи! — кричал он. — Новые ботинки — и все в грязи!

Сильвио тянул отца за рукав и пытался объяснить ему, откуда у Морица эти ботинки.

— Мориц отдал мне свои кроссовки, — сказал он. — А мои ботинки нашёл уже после обеда.

При этом он смотрел на Морица, пытаясь улыбнуться.

— А-а. Ну ладно, — сказал мужчина, но продолжал смотреть на Морица так, будто ботинки украл всё-таки он.

— Может, мне можно теперь забрать назад мои кроссовки? — спросил Мориц.

— Да, конечно, — ответил Сильвио и побежал за ними в прихожую.

Его отец, стоя в дверях и скрестив на груди руки, мрачно уставился на Морица. Мориц робко поглядывал на него снизу вверх. Тут Сильвио вернулся с кроссовками. Они, как Мориц и опасался, сильно пострадали от дождя, но он надеялся привести их в порядок.

— Ну, пока, — сказал он Сильвио. — До завтра.

— Пока, Мориц, — сказал Сильвио. — И спасибо.

— Не за что, — только и успел ответить Мориц, как дверь захлопнулась прямо у него перед носом.

Мориц медленно спустился с крыльца и ждал на улице, когда вернутся папа с Тимом.

— Ты уже здесь! — удивился папа.

— Меня даже в дом не пустили. Отец у него такой неприветливый, — ответил Мориц и рассказал о нелюбезном приёме.

— Ну, это, пожалуй, уже слишком, — сказал папа. — Вернёмся домой, я ему позвоню.

— Может, лучше не надо... А то вдруг он сорвёт зло на Сильвио.

— Не нравится мне всё это, — заметил папа.

Пока они добирались домой, Тим успел проголодаться и начал капризничать. К счастью, мама была уже дома и приготовила ужин. Мориц рассеянно смотрел, с какой быстротой Тим набивает себе рот кусочками хлеба с маслом.

— Да ты маленький монстр, — сказал он и ткнул Тима пальцем в щёку.

— Монта, — повторил Тим и улыбнулся ему во все свои два зуба.

У него были очаровательные ямочки на щёчках. Ему исполнилось уже полтора года, и он умел сидеть, ходить,

самостоятельно есть и немного говорить. Это были огромные достижения, если вспомнить вечно орущего беспомощного младенца, каким он был ещё совсем недавно. Тогда Морицу казалось, что с этим созданием у него никогда не появится ничего общего.

Теперь Мориц находил брата забавным, хотя иногда злился, что все смотрят только на Тима, когда они приходят куда-нибудь всей семьёй.

Нельзя же так. Ведь это он, Мориц, помог освободить Пиппу Корнелиус, которую похитил злодей Карл Дитер Зонненхут. Без Морица господин Розочка, пожалуй, не нашёл бы, где её прячут, и без него он никогда не догадался бы, что за этим похищением стоит его старый школьный товарищ Зонненхут. Вот про это почему-то никто ни разу не заикнулся.

Мориц надеялся, что господин Розочка будет ему иногда писать, но господин Розочка не был любителем почтовых открыток. Зато Мориц время от времени

видел Альфонса Мейербера, для чьего питомца папа сочинил свой «Концерт для домашней свиньи».

Папа рассказывал маме о том, как Морица принял отец Сильвио, и тут раздался звонок в дверь.

— Посмотри-ка, Мориц, кто там,— попросил папа, и Мориц побежал к двери.

Ему пришлось повозиться с задвижкой, а потом отпирать замок, и, когда он всё это проделал, за дверью уже никого не было. Он услышал только торопливые шаги на лестнице, а потом внизу хлопнула дверь подъезда. Мориц сначала и не заметил маленький свёрток, который лежал на коврике перед дверью и по размеру был чуть больше сигаретной пачки. На нём было написано: «Господину Морицу Фройденрайху, лично».

МОРИЦ ПРИГЛАШЁН

Мориц осторожно взял свёрток в руки. Он был очень лёгкий, и в нём что-то перекачивалось туда-сюда. Мориц перевернул его, надеясь найти адрес отправителя, но адреса не оказалось. Свет на лестничной площадке автоматически погас. Мориц закрыл дверь квартиры и вернулся на кухню.

Мама как раз говорила:

— Бедный мальчик...

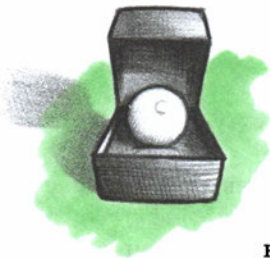
У них явно продолжался разговор о Сильвио.

— А я получил посылку, — сказал Мориц.

— В такое-то время? — удивился папа.

— Она пришла не по почте. Кто-то принёс её, но я не знаю кто. Он ушёл, пока я открывал дверь.

— Дай-ка сюда, — сказал папа и взял свёрток. Он оглядел его со всех сторон и наконец сказал: — Выглядит вполне безобидно. Ты не хочешь его развернуть?

Мориц отклеил скотч. В свёртке оказалась синяя коробочка. Мориц снял с неё крышку. Внутри на красном бархате лежал светлосиний стеклянный шарик. Он был довольно крупный, и, когда Мориц достал его, шарик очень удобно уместился в ладони.

— Красивый, — сказал Мориц, поднёс шарик к лампе и посмотрел на просвет.

Оказалось, он не сплошь голубой. Больше всего он был похож на летнее небо с маленькими белыми облачками.

— Кто же мне его подарил? — вслух раздумывал Мориц.

— Может, это был Сильвио, который хотел тебя отблагодарить, — предположил папа.

— Не думаю, что его могли выпустить из дома так поздно.

— Ты вполне можешь спросить у него завтра в школе, — сказала мама. — А сейчас тебе так или иначе пора в постель.

— Я ещё совсем не хочу спать, — протестовал Мориц.

— Но если ты не уснёшь сейчас, ты не выспишься к завтрашнему утру, — ответила мама. — Давай-ка, давай в кровать.

Мориц ворча пошёл в свою комнату и надел пижаму. И, пока чистил зубы, всё время думал о шарике.

Посылка явно была не от Сильвио. Тот не рискнул бы нарваться на новые неприятности со своим отцом, на ночь глядя уйдя из дома. Кроме того, Сильвио подарил бы Морицу шарик в школе — они ведь увидятся завтра. Даже Оле и Лили, его друзья, не побежали бы к нему прямо сейчас, чтобы его порадовать.

Если как следует подумать, на такой сюрприз был способен только один человек — господин Розочка. Мориц решил завтра же позвонить ему в дверь. Может, он уже вернулся из своей поездки?

А шарик Мориц аккуратно положил в коробочку и сунул в портфель.

На следующее утро Мориц проснулся от громкого пения птиц. Светило солнце, и он сразу почувствовал, что день будет погожий. Дерево за его окном уже подёрнулось нежной зелёной дымкой, а кусты форзиций светились ярко-жёлтыми цветами.

Мориц побежал в ванную и умылся, потом надел джинсы и футболку с длинными рукавами.

— Доброе утро, родной, — сказала мама, когда он вошёл на кухню. — Будешь тост?

Мориц кивнул.

— Скажи-ка, Мориц, этот Сильвио... Может, ты хотел бы пригласить его к нам?

— Не знаю, — ответил Мориц. — Вообще-то у нас не так много общего.

— Но если он приятный мальчик... Наверное, он нуждается в друзьях.

— Я подумаю об этом, — сказал Мориц.

То, что он помог Сильвио, совсем не означало, что он с ним тут же подружится.

Он прикинул, не позвонить ли в дверь господина Розочки прямо сейчас, с утра, но потом решил перенести это на вечер, после школы.

— Сколько у тебя сегодня уроков? — спросила мама, будто угадав его мысли.

— Пять. А потом ещё тренировка по бегу.

— Я оставила тебе в холодильнике гороховый суп.

— О'кей, — ответил Мориц. Он не любил гороховый суп.

— Папа и Тим вернутся домой в четыре.

— О'кей, — опять сказал Мориц.

В последнее время он часто оставался дома один, потому что папа теперь арендовал студию для сочинения музыки. В целом Морицу нравилось после школы побыть в одиночестве. Он немного бездельничал, ходил из угла в угол, потом делал уроки. Кроме того, он иногда тайком смотрел телевизор. Правда, ему приходилось следить за тем, чтобы телевизор успевал остыть к папиному

возвращению. А мама, как правило, возвращалась из своего архитектурного бюро только вечером. Там она сейчас проектировала Детский центр.

На часах было без четверти восемь. Мориц схватил ранец и на прощанье чмокнул в щёку Тима, который только что встал.

— Пока! — крикнул он в сторону кухни, и мама ответила ему:

— Целую!

На улице было всё же холоднее, чем ожидал Мориц, и он пустился к школе бегом, чтобы согреться. Прибежал он точно к звонку и чуть не столкнулся у входа с Сильвио, который явно поджидал его. Лицо его было всё ещё припухшее, а вид измученный. Зато на ногах — вновь обретённые синие ботинки.

— Я только хотел тебя ещё раз поблагодарить. Мой отец... он так не думал... — сказал Сильвио извиняющимся тоном.

— Да ладно тебе, — ответил Мориц. — Это не ты подложил мне шарик?

— Какой шарик? — Сильвио искренне удивился.

— А, неважно.

Мориц уже хотел подняться по лестнице, но Сильвио остановил его.

— В среду после обеда дома будет моя мать, — сказал он. — Хочешь, приходи к нам?

Мориц помедлил. По средам его команда всегда играла в футбол в парке. Но Сильвио смотрел на него с такой мольбой, что он кивнул.

— Круто! — обрадовался Сильвио и впервые улыбнулся. — Скажем, в четыре?

— Да, годится, — ответил Мориц, всё-таки поторапливаясь, чтобы успеть в класс.

Он уже почти год учился в этой школе и вполне в ней освоился. Оле и Лили стали его лучшими друзьями, и после уроков они часто встречались, чтобы поиграть вместе. И с остальными ребятами в классе у него были хорошие отношения.

Кроме Штефана Рабентраута и его друга Мирко Шульце. Эти двое представляли собой нескладную пару. Штефан был рослый и крепкий, а Мирко — хилый и худой как щепка, с остреньким личиком и маленькими глазками, от которых не ускользал ни один повод над кем-нибудь поиздеваться.

Поскольку директриса школы, доктор Хансман, пригрозила Штефану исключением, они теперь не мучили слабых явно, а донимали тайком. Но их жертвам не стало от этого легче. Ведь, даже когда было ясно, кто именно прятал

тетради одноклассников или бросал их вещи в грязь, доказать это было невозможно. Мориц глаз не спускал со Штефана и Мирко: какую ещё подлость они вытворят?

В это утро Штефан сидел, склонившись над партой, наспех списывая у Мирко домашнее задание по математике. Поскольку господин Нойвирт всегда входил в класс сразу после звонка, списать как следует Штефану не удалось.

— Доброе утро, садитесь. Доброе утро, Штефан, не будешь ли ты так любезен покончить с домашним заданием? Мне, правда, представляется, что слова «домашнее задание» имеют отношение к понятию «дом», а это вовсе не предполагает его выполнения в школе.

Штефан что-то проворчал и отложил тетрадь в сторону. Но господин Нойвирт ещё не покончил с ним.

— А чтобы ты лучше это усвоил, я предлагаю тебе сегодня выполнить несколько дополнительных заданий, причём, будь

любезен, самостоятельно и дома, — сказал он.

Класс засмеялся. Штефан с досадой огляделся вокруг и встретился глазами с Морицем. Мориц твёрдо выдержал его взгляд и заметил, как Штефан сжал кулак. Это не предвещало ничего хорошего. За свой позор Штефан будет мстить. Вопрос только, кому.

На перемене Штефан куда-то исчез. Мориц, Лили и Оле побежали в живой уголок, к кроличьим клеткам, и Мориц рассказал о своём вчерашнем визите к Сильвио.

— И теперь он приглашает меня в среду, — сказал он. — А мне совершенно не хочется туда идти.

— Может, у него очень добрая мать, — попыталась утешить друга Лили. — И Сильвио хорошо играет в футбол. Вы потом просто уйдёте играть вместе.

В этот момент Мориц почувствовал, как что-то выпало у него из кармана прямо под ноги. Он глянул вниз и увидел стеклянный шарик, который теперь катился в сторону школьного двора.

— Ой, какой классный, — сказал Оле. — Откуда он у тебя?

Стало понятно, что шарик принёс не Оле. Но Морицу было не до того, он был занят тем, что гнался за шариком. Всякий раз, когда ему казалось, что он вот-вот его ухватит, тот укатывался дальше. Мориц перебежал футбольное поле, получил мячом по голове, налетел на одного шестиклассника и наконец очутился на другой стороне школьного двора. В углу, почти скрывшись за кустами, шарик остановился. Прямо рядом с Сильвио.

МОРИЦ ВСПОМИНАЕТ

Сильвио лежал на земле, схватившись за ногу. Лицо у него было перепачкано грязью и залито слезами.

— Что случилось?! — воскликнул Мориц и присел перед ним на корточки.

Тут подоспел Оле и в испуге прикрыл рот ладонью.

— Штефан... — всхлипывал Сильвио.

— Ах, эта крыса! — крикнул Оле. — Ну, я ему покажу! — И он уже собрался бежать к обидчику.

Но Мориц удержал его за рукав.

— Постой! Наконец-то мы можем избавиться от Штефана навсегда.

Оле повернулся к нему:

— Как? Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты разве не помнишь наш разговор у госпожи Хансман? Она же сказала, что Штефан вылетит из школы, если только устроит какую-нибудь пакость в следующий раз.

На лице Оле появилось такое выражение, будто ему пообещали порцию мороженого с двойными взбитыми сливками.

— Точно! — воскликнул он. — На сей раз он попался.

Сильвио с трудом поднялся на ноги и отряхнул брюки. Мориц протянул ему свой сравнительно чистый носовой платок.

— Может, зайдём в туалет, чтобы ты привёл себя в порядок? — предложил он.

Сильвио кивнул.

В туалете он умылся и потом посмотрел на Морица.

— Я же ему ничего не сделал, — сказал он. — Штефан набросился на меня ни с того ни с сего. И обещал, что подкараулит меня после школы, если я кому-нибудь пожалуюсь.

— Надо идти к директрисе, — ответил Мориц. — Она только и ждёт, когда Штефан устроит очередную гадость.

— Но я не могу. Он меня потом отлупит. Или снова украдёт мои ботинки. Тогда отец мне снова наподдаст... — Сильвио смолк.

— Но, Сильвио! — воскликнул Мориц. — Если Штефан останется в школе, он точно не оставит тебя в покое.

Сильвио в ответ только пожал плечами.

В этот момент прозвенел звонок на урок. Мориц положил руку на плечо Сильвио:

— На следующей перемене держись около нас. На троих Штефан не посмеет напасть. И всё-таки подумай, не пойти ли нам к госпоже Хансман.

Когда Мориц вошёл в класс, Штефан уже сидел на своём месте и перешёптывался с Мирко. Тот как раз смеялся над тем, что ему рассказывал Штефан.

Мориц остановился у их парты:

— Не думай, Штефан, будто никто не видит, что ты вытворяешь.

— Понятия не имею, о чём это ты, — ответил Штефан, ухмыляясь.

— Рано или поздно ты вылетишь из школы, — сказал Мориц и отвернулся, чтобы идти на своё место.

Затылком он почувствовал дыхание Штефана.

— Только попробуй пойти к Хансман, — прошипел тот. — Ты очень сильно пожалеешь об этом.

— Ну-ну, — сказал Мориц и попытался сесть как можно свободнее, хотя его просто свело от страха. Как ни трудно было признаться себе, но драться со Штефаном совершенно не хотелось. Однажды Морицу от него уже досталось, и этого хватило надолго. Штефан ужасно мучил Морица, когда тот пришёл

в класс новеньким, но после того как Мориц по-настоящему постоял за себя, оставил его в покое. Потому что и это было типично для Штефана — ему нравилось раздавать оплеухи, но не нравилось их получать.

К счастью, Морицу некогда было раздумывать дальше, потому что в класс вошла госпожа Майер. Ученику, который её не слушает, она могла бы устроить неприятности. Кроме того, Мориц любил её предмет. В этот день на естествознании они говорили о том, почему идут дождь и снег.

Мориц взялся через неделю сделать доклад о разных временах года и о типичной для них погоде.

На перемене они с Сильвио играли в футбол. Сильвио и в самом деле был хорошим игроком, и они с большим перевесом выиграли у пятого класса.

После игры Сильвио повеселел, а Штефана нигде не было видно.

— Хочешь, мы подождём тебя после уроков? — предложил Мориц.

— Не, всё в порядке, я пойду в группу продлённого дня, — сказал Сильвио. — Нас там много, и он не посмеет сунуться.

Поскольку день был хороший и тёплый, Мориц, Оле и Лили договорились встретиться в парке. Они взяли свои ролики и гоняли на них, пока совсем не выбились из сил. Сидеть на траве было ещё холодновато, поэтому они рухнули на скамью и поделили печенье, которое прихватил с собой Оле. Вдали они заметили двух мужчин, высокого и низенького. Мужчины с громоздкими фотоаппаратами ходили по газону, время от времени заглядывая в кусты.

— Что это они там ищут, уж не пасхальные ли яйца? — с ухмылкой спросил Оле.

Мориц засмеялся.

— А жаль, что Сильвио не решился пойти к директрисе, — сказал Оле. — Ничего бы ему не было.

— Ну, он ведь думает, что Штефан ему ещё что-нибудь испортит или сломает, и тогда отец разозлится, — объяснил Мориц. — А своего отца он, кажется, боится больше всего.

— И ты при этом хочешь пойти к ним в гости? — уточнила Лили.

— В среду дома будет его мать, а при ней отец Сильвио, пожалуй, мне ничего не сделает, — сказал Мориц, хотя сам не был в этом вполне уверен.

Вдруг он почувствовал, как из кармана выпал шарик. Вернее, даже не выпал,

а выпрыгнул, прямо на пешеходную дорожку, и покатился в сторону кустов. Морицу было трудно быстро подняться со скамьи — на ногах у него всё ещё оставались ролики — и он скоро потерял шарик из виду.

Когда он наконец переобулся в кроссовки и полез в кусты в поисках шарика, то нигде его не увидел.

— Ну что, нашёл? — крикнул Оле.

— Не, он куда-то закатился, — отозвался Мориц, продираясь между ветками.

В конце концов ему удалось пролезть через заросли кустарника, и место вдруг показалось ему знакомым. Не здесь ли он был с господином Розочкой, когда они в первый раз отправились гулять в парк? Правда, трава ещё не ожила после зимы, но уже можно было догадаться, что летом здесь будет мягкий зелёный ковёр, на котором тут и там расцветут маргаритки.

Секунду спустя Мориц увидел свой голубой шарик. А рядом с шариком он

обнаружил укори́зненно пискнувшее крошечное существо в чёрно-жёлтую полоску. Мориц опустился на колени, и парковый тигр Руди изящным прыжком очутился у него на руках.

МОРИЦ ПРИНОСИТ ТИГРА ДОМОЙ

Мориц растерянно смотрел на маленького тигра, который сидел у него на ладони и тихо урчал. Это господин Розочка показал Морицу паркового тигра, который больше всего любит изюм. Зиму Руди провёл в зоопарке у тушканчиков.

Стеклянный шарик так и лежал перед Морицем на земле, а за спиной слышалось, как сквозь кусты пробираются Оле и Лили. Мориц хотел вернуть паркового тигра на землю, но малыш крепко вцепился в его палец и непрерывно пищал. Неожиданно Мориц почувствовал непреодолимую потребность позаботиться о нём.

Не раздумывая, он сунул руку с тигром в карман. И успел как раз вовремя — на полянку выбрался Оле.

— Ну, — спросил тот, — нашёл шарик?

— Да вот же он, — сказал Мориц и нагнулся за шариком. При этом он

чуть было не вскрикнул от боли, потому что крошечные когти вонзились сквозь брюки ему в ногу.

— Станный какой шарик, — сказал Оле. — Катится так, будто у него внутри есть моторчик.

Мориц был настолько сбит с толку новой встречей с Руди, что ему было не до шарика, хотя он и сам находил очень странным, как это шарик мог укатиться так далеко.

— Точно, странный шарик, — согласился он. — Но, может, он просто особо скользкий или что-то вроде этого.

— И ты считаешь, что он может катиться через корни и ветки только потому, что особо скользкий? — спросила Лили. — Откуда он у тебя вообще?

Мориц снова взял шарик в руки и оглядел его со всех сторон.

— Честно говоря, я и сам не знаю, — признался он и рассказал о появлении свёртка под дверью квартиры.

— Наверное, это от бабушки, — предположила Лили.

— Она бы непременно написала письмо, — возразил Мориц.

— Наверняка господин Розочка, — сказал Оле.

— Но его сейчас нет, — ответил Мориц.

Однако втайне он надеялся, что это его друг таким образом подал о себе весточку.

Оле и Лили уже возвращались к дорожке, а Мориц немного замешкался. Он достал из кармана Руди и посмотрел на него.

— Что мне с тобой делать? — спросил он скорее себя самого. Тигр смотрел на него с надеждой. — Может, ты хочешь остаться здесь?

В тот момент ему показалось, что Руди слегка помотал головой в знак отрицания, хотя впоследствии Мориц был уже не слишком в этом уверен.

Мориц со вздохом сунул в один карман тигра, а в другой — шарик. Потом забрал свои ролики и побежал догонять

друзей. Вдали он опять заметил двух мужчин, которые обыскивали кусты, вооружившись фотоаппаратами.

— Они фотографируют прошлогоднюю траву? — спросил Оле.

— Может, дождевых червей, — предположила Лили.

По дороге к выходу из парка Мориц лишь вполуха слушал, о чём говорят друзья. Лили рассказывала, что её родители вечерами часто ссорятся.

— Недавно папа даже закричал: «Вот и уйду!» — сказала она расстроенно.

— Да они опять помирятся, — махнул рукой Оле.

— Да, я тоже так всегда думала, — сказала Лили. — Но всё становится только хуже. Мне уже и домой идти не хочется.

Мориц хорошо понимал Лили. В прошлом году его родители тоже часто ссорились, и Мориц очень боялся, что однажды они больше не помирятся. Но господин Розочка сделал так, чтобы мамин начальник стал по-настоящему

милым человеком, и с тех пор папа и мама перестали ссориться. Ну, а если и ссорились, то очень редко.

В этот момент Руди снова подал голос.

— Ой, что это? — спросил Оле.

— Понятия не имею, — ответил Мориц и попытался принять самый невинный вид. — Может, птичка.

— Больше похоже на кошку, — сказала Лили. — Наша кошка тоже ночами убегает в парк.

Звук повторился, хотя и тише.

— Странно, — сказал Мориц, как будто сам был озадачен.

— А что, собственно говоря, стало с парковым тигром? — вдруг спросил Оле и пристально посмотрел на него.

— Ах, с тем, — сказал Мориц. — Господин Розочка пристроил его в зоопарк.

Этот ответ дался ему легко, потому что он и в самом деле присутствовал при том, как господин Розочка поместил Руди к тушканчикам.

— Странно, что про него больше ничего не слышно, — заметил Оле, но,

к счастью, они уже вышли на улицу, и здесь шум транспорта перекрывал любые звуки, какие мог бы издать Руди в кармане у Морица.

— Ну, пока, — сказал Мориц. — До завтра.

— А как нам быть с Сильвио? — спросила Лили.

— Я думаю, пока ничего делать не надо, — ответил Мориц. — Штефан ведь получил предупреждение.

Последние сто метров до своего дома он шёл один и напряжённо размышлял, куда ему поместить Руди так, чтобы родители не заметили. Они были решительно против домашних животных и никогда бы не допустили, чтобы в одной комнате с Морицем жил маленький тигр. Мориц почти не сомневался, что Руди им понравился бы, если б они его увидели. Но он предпочитал не рисковать.

Ещё не войдя в квартиру, он услышал громкий рёв Тима. У папы был очень нервный вид, когда он открыл

дверь. На руках он держал Тима, перепачканного в земле и очень сердитого.

— Привет, Мориц, заходи, — сказал папа. — Тим учинил тут погром.

Мориц и впрямь впечатлился тем, во что его брат превратил гостиную, ненадолго оставшись без присмотра. На паркете всюду была рассыпана земля, а нарциссы, которые раньше росли в горшках, Тим высадил на пол. Чтобы полюбоваться на плоды своих трудов, он взобрался на диван, который теперь тоже был весь перепачкан чернозёмом. Разумеется, Тим не желал смириться с тем, что удовольствию положен конец, и кричал во всё горло что-то вроде «тёки, тёки», что должно было означать «цветочки».

Папа сунул Тима в руки Морицу и отправил их в ванную, а сам тем временем стал прибираться в гостиной. Тим вырывался с такой рассерженной и горестно-заплаканной мордашкой, что Мориц рассмеялся бы, если б ему не надо было удерживать братца на руках. Но ему моментально стало не до смеха, когда он снова услышал возмущённый голосок Руди.

Тим тоже услышал этот вопль и утих.

— Коша? — спросил он.

— Нет, — ответил Мориц.

Руди снова мяукнул.

— Коша! — сказал Тим, теперь уже утвердительно, и полез в карман брюк Морица, откуда слышались звуки.

Когда пять минут спустя в ванную пришёл папа, у Тима уже были чистые руки, но он снова оглушительно вопил.

— Коша, коша!

— Чего это он? — удивился папа. — Нету здесь никаких кош.

— Я тоже не понимаю, — сказал Мориц и пошёл к себе.

РУДИ ОБУСТРАИВАЕТСЯ

Очутившись в своей комнате, Мориц наконец вытащил из кармана Руди, который посмотрел на него с упрёком и решительным прыжком сиганул на кровать. Там он немного повозился на мягком покрывале, потом устроился на подушке, прилёг головой на лапки и закрыл глаза.

Мориц смотрел на него, не зная, как быть. Разумеется, Руди нельзя было оставлять на подушке. Во-первых, потому что его сразу увидит всякий, кто войдёт в комнату. Во-вторых, потому что Морицу в какой-то момент и самому захочется лечь на эту подушку и заснуть.

И тут раздался стук в дверь его комнаты — это вернулась домой мама.

— Привет, Мориц! — услышал он, когда дверь уже раскрывалась. — Можно войти?

— Да, э-э, нет, сейчас... — ответил Мориц и очень осторожно прикрыл маленького тигра майкой.

— Эй, — в комнату просунулась мамина взъерошенная голова, — не хочешь ли помочь мне с ужином?

— А что ты собираешься готовить? — спросил Мориц, с ужасом глядя, как его майка начинает шевелиться.

— Яблочные оладьи, — сказала мама. — И мне нужен тот, кто порезал бы яблоки. Кроме того, я хочу поделиться с тобой чудесной идеей, которая пришла мне в голову в связи с Детским центром, и посоветоваться, как её осуществить.

— Я сейчас приду, — нервно ответил Мориц, увидев в этот момент крохотную лапку, показавшуюся из-под майки.

— Хорошо, — сказала мама и закрыла дверь.

Мориц перевёл дух и отодвинул майку. Тигр сощурился от яркого света.

— Руди, — сказал Мориц, не уверенный, понимает ли его тигр. — Здесь ты должен вести себя тихо, и лежать на моей кровати тебе не следует. Если

мои родители тебя увидят, будет скандал. — Руди посмотрел на него внимательно. — Я подыщу для тебя другое место.

Мориц огляделся. Как всегда, в комнате было не очень прибрано. Ролики валялись поверх школьного рюкзака, в углу стоял скейтборд, у которого не хватало двух колёсиков. Его взгляд упал на деревянный ящик, который папа подарил ему для кубиков. Он быстро освободил ящик и постелил на дно майку. Потом осторожно посадил туда Руди и погладил пальцем его узкую спинку.

— Ну что, Руди, — спросил он, — вот так о'кей?

Тигр потоптался-покрутился в ящике и улёгся. Минуту спустя он, казалось, уже спал глубоко и крепко. Мориц осторожно задвинул ящик под кровать и тихонько вышел из комнаты.

Папа к этому времени привёл гостиную в порядок, а Тим успокоился. Он

сидел на полу в кухне и играл с большим игрушечным автомобилем.

Мориц взял одно уже очищенное яблоко и принялся нарезать его соломкой.

— Так вот, я подумала, — продолжила мама, обращаясь к Морицу, — что надо бы построить гигантскую стенку для лазанья через все этажи. И тренер по альпинизму мог бы заниматься там со старшими детьми.

— Суперская идея, — сказал Мориц. — Просто потрясающая!

Мама просияла. Она выдвинула кухонный ящик, чтобы достать муку, и взгляд Морица упал на пакет изюма. Изюм, конечно же! Ведь в их первое посещение парка господин Розочка говорил, что парковый тигр Руди больше всего любит изюм. Мориц раздумывал, как бы незаметно зачерпнуть горсточку. Наконец ему в голову пришла одна мысль.

— Мама, дай мне немножко изюму, — попросил он. — Нам в школе велели принести сухофрукты.

— Достань-ка мне баночку. Сколько тебе насыпать?

— Горстки хватит, — сказал Мориц.

Мама снова полезла в выдвижной ящик и насыпала в баночку горсть изюма.

— Спасибо, — сказал Мориц. — Я быстренько пойду уберу его в портфель, чтобы не забыть.

— Ты уже по-настоящему взрослый, — уважительно заметила мама, и Мориц побежал в свою комнату.

Но стоило ему приоткрыть дверь, как оттуда выскользнуло что-то крохотное и полосатое и юркнуло в сторону кухни.

Мориц от ужаса выронил изюм и со страхом смотрел, как Руди замер на пороге кухни.

— Руди! — шёпотом позвал он как можно громче. — Вернись!

Но Руди и не подумал возвращаться. Одним изящным прыжком он оказался в кухне. Мориц ползком пробрался за ним, а тем временем Тим, сидевший

на полу, широко раскрытыми глазами уставился в угол и кричал:

— Мыша, мыша!

— Почему ты ползаешь по полу? — спросила мама, удивлённо глядя на Морица. — И что это с Тимом?

Тим вне себя продолжал кричать:

— Мыша, мыша!

Мориц заполз в угол, но в этот момент мама, кажется, тоже заметила Руди, который из угла шмыгнул под обеденный стол.

— Эдгар, мышь! — завопила она и прижалась к стене, как будто эта мышь вот-вот проглотит её целиком.

В суматохе, которая за этим последовала — мама кричала, папа ползал по полу, а Тим расплакался, — Морицу под столом удалось кое-как изловить Руди и снова сунуть в карман. Тут же он закричал: — Да ничего здесь нет! — и выбрался из-под стола.

Поскольку на него никто не обращал внимания, он схёл ситуацию самой подходящей, чтобы с тигром в кармане смыться к себе в комнату. Он слышал, как папа спросил:

— Ну и где бы вы хотели, чтобы я увидел мышку? Где конкретно?

А мама язвительно отвечала:

— Я действительно её видела, и конкретно в углу.

В своей комнате Мориц вынул Руди из кармана и строго на него посмотрел:

— Тебе нельзя бегать по квартире. Мои родители не хотят никаких домашних животных, и, если ты собираешься здесь остаться, ни в коем случае не выбегай из моей комнаты.

Руди слегка склонил голову набок и, казалось, понял каждое слово.

— А теперь полезай в ящик, я принёс тебе немного изюму.

Он осторожно посадил тигра в деревянный ящик, который нашёл опрокинутым, и открыл дверь комнаты, чтобы собрать рассыпанный изюм. Мама и папа всё ещё бегали по квартире, заглядывая во все углы.

— Я не понимаю, — говорила мама. — Я совершенно уверена, что видела мышь.

— Может, там летала какая-нибудь моль или что-то в этом роде, — предположил папа.

— Ну, знаешь, отличить моль от мыши я ещё способна, — отрезала мама.

Мориц закрыл дверь и положил тигру в ящик несколько изюмин. Руди тут же сгрёб их лапкой и принялся есть. После этого он улёгся и, похоже, на сей раз действительно собрался уснуть, усталый и сытый.

Мориц снова вышел в холл. Папа как раз понёс Тима в кроватку, а мама подозрительно заглядывала в каждый угол гостиной.

— А вот если честно, мама, — сказал Мориц. — Даже если мышка была, что в этом такого уж плохого?

Мама остановилась и посмотрела на него.

— В мышке самой по себе нет ничего плохого, — сказала она. — А вот мышка в квартире — это плохо. Мышам решительно не положено находиться в квартирах.

И она снова взялась за поиски. Морицу стало дурно, как только он представил, что она может думать о маленьких тиграх, которые находятся в квартирах. Папа между тем принялся печь яблочные оладьи, и Мориц присоединился к нему на кухне.

— Что-то многовато происшествий у нас сегодня, — заметил папа и улыбнулся.

— Да уж, — сказал Мориц и улыбнулся ему в ответ.

В принципе, у них ещё мог получиться хороший вечер.

В этот момент в дверь позвонили. Мориц посмотрел на папу, но тот лишь пожал плечами.

— Однако в последнее время здесь по вечерам весьма оживлённо... Откроешь?

Мориц кивнул и отложил кухонное полотенце, которое держал в руках. В дверь ещё раз позвонили.

— Иду, иду, — пробормотал он и направился к двери.

Неужто кто-то ещё принёс ему посылку с очередным подарком?

Но там была не посылка. За дверью стоял господин Розочка. И, судя по его виду, ему было не очень хорошо.

ГОСПОДИН РОЗОЧКА ЗАБОЛЕЛ

— Господин Розочка! — воскликнул Мориц и с испугом оглядел старого господина. Тот казался сильно похудевшим, а лицо у него побледнело и осунулось. Один глаз припух, губы потрескались.

— Привет, — отозвался тот хрипловатым голосом. — Можно мне войти?

— Разумеется, — ответил Мориц и отступил, давая ему дорогу. Тут и папа вышел из кухни.

— Господин Розочка, как замечательно!.. — воскликнул он, но потом в испуге замолчал. — Господи Боже мой, — закончил он растерянно.

Господин Розочка стоял посреди холла, опираясь горячей рукой на плечо Морица. Тот осторожно повёл гостя в сторону кухни. Там он усадил его на ближайший стул, а папа уже поставил на стол перед гостем стакан воды.

— Вы больны, — констатировал он.

— Мне кажется, в моей последней миссии я взял на себя слишком много, — хрипловато сказал господин Розочка.

Мама только что уложила Тима спать и тоже появилась на кухне.

— Господин Розочка, как приятно вас видеть...— начала она. — Но вид у вас совсем нездоровый. Эдгар уже померил вам температуру?

— Этого не нужно, я...

— Нет уж, нужно, — решительно заявила мама.

Она сбегала в ванную и вернулась со своим ушным термометром. Через секунду в ухе господина Розочки запищало.

— Сорок и три, — испуганно сказала мама. — Вам сейчас же нужно лечь в постель, и я вызову неотложную помощь.

— Но я... — начал господин Розочка, однако мама взяла его под локоть:

— Я отведу вас в постель и подожду, пока приедет врач. А потом посмотрим, что делать дальше.

Господина Розочку уже трясло в ознобе, и он с трудом поднялся на ноги.

— Мориц, завари, пожалуйста, травяной чай и принеси его в квартиру господина Розочки, — сказала мама. — Эдгар, а ты позвони в неотложку.

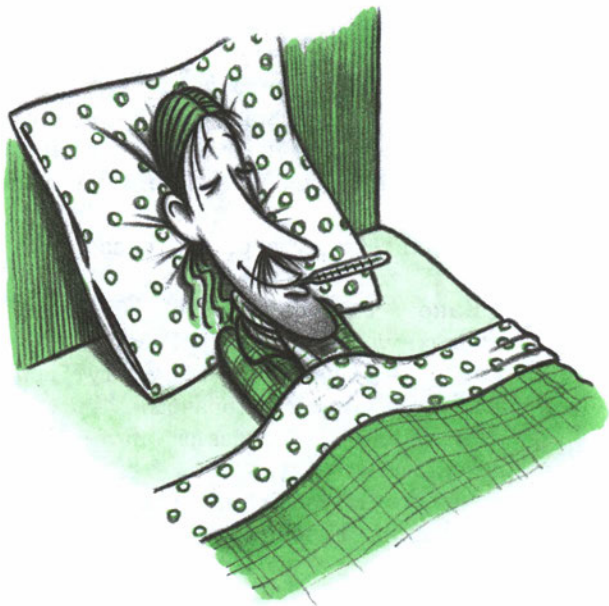
И она осторожно повела господина Розочку к двери и вниз по лестнице.

Папа тут же сел к телефону, а Мориц аккуратно залил чайный сбор кипятком. Бедный господин Розочка! Ведь он всегда выглядел здоровым и бодрым, а теперь впервые стал похож на старика. Мориц взял чашку и спустился в квартиру господина Розочки. Мама оставила дверь открытой, так что он вошёл без звонка. Квартира опять выглядела такой, какой он увидел её впервые: тёмно-зелёный бархатный диван и большой яркий ковёр делали её уютной, стол был застелен скатертью в цветочек. Правда, всё это казалось слегка запylённым, а в прихожей стояла полураскрытая дорожная сумка, из которой в беспорядке свисала какая-то одежда.

— Мы здесь, — услышал он мамин голос и направился в спальню господина Розочки.

Там рядом с большой белой кроватью стоял ночной столик, на который он и поставил чай. Господин Розочка лежал под одеялом, дрожа в ознобе.

— Мне очень жаль, что я вверг вас в такие обстоятельства, — сказал он, но мама возразила:

— Я рада, что мы можем хоть чем-то вам помочь. Мы так рады вашему возвращению!

Господин Розочка слабо улыбнулся.

— А я-то как рад, — сказал он. — Можете мне поверить.

Когда мама на минутку вышла, чтобы посмотреть, не приехал ли врач, он жестом подозвал к себе Морица.

— Мориц, — сказал он тихо, но настойчиво, — Руди надо забрать из парка, Альфонс сказал мне, что фотографы снова шастают там и охотятся за ним. И сам Альфонс на днях не смог его найти.

— Отгадайте-ка, где он, — сказал Мориц. — У меня в комнате!

— Какое счастье, — с облегчением вздохнул господин Розочка. — Но как?.. — начал было он, и тут вернулась мама вместе с врачом.

— Мы выйдем, — сказала она. — Вы найдёте нас наверху.

Они взяли с собой ключ от квартиры господина Розочки и стали ждать,

когда к ним зайдёт врач. Он поднялся десять минут спустя.

— Пациент разрешил обсуждать с вами его здоровье, — сказал он. — Ведь вы ему как родные?

— Вроде того, — согласилась мама.

— Ну, он человек пожилой, и у него тяжёлый бронхит. Надо следить, чтобы не случилось воспаления лёгких. В ближайшие дни он должен оставаться в постели, и трижды в день ему нужно делать ингаляцию. Сейчас я дал ему жаропонижающее и думаю, что он будет хорошо спать. Но рано утром вам следует заглянуть к нему. Кроме того, он показался мне сильно измождённым. Ему надо много пить, а завтра хорошо бы дать ему горячего бульона.

— Это не проблема, — сказал папа. — Я ему сварю.

Врач простился и пообещал снова приехать на следующий вечер.

— Присматривайте за ним, — попросил он. — Для старых людей такие вещи могут быть опасны.

— Обязательно присмотрим, — пообещала мама. — Мы его очень любим.

Врач улыбнулся:

— Это лучше всего помогает от всех болезней.

Когда они остались одни, было уже около девяти часов, и Морица отправили спать. Перед сном он заглянул в ящик. Руди крепко спал и тихонько урчал во сне.

— Ну, Руди, — сказал Мориц. — Однако ж я спас тебя от прессы.

Он осторожно погладил его лапку. Руди шевельнулся во сне. Могло даже показаться, что он улыбнулся.

РУДИ ПЕРЕЕЗЖАЕТ

За ночь Мориц совсем не выспался. Когда утром он поднялся, Руди ещё спал, что было не удивительно: полночи маленький тигр вопил, то и дело выбираясь из ящика. Мориц много раз его ловил, но в какой-то момент животное наконец уgomонилось. Единственным преимуществом бессонной ночи было то, что Мориц смог как следует продумать, каким образом доставить Руди к Альфонсу.

Альфонс Мейербер был близким другом господина Розочки и лучше, чем кто-либо другой, умел обращаться с животными. В конце концов, он не только держал когда-то у себя в квартире слона, но и теперь жил вместе с домашней свиньёй. Имея такой опыт, он легко управится с крохотным парковым тигром в качестве дополнительного домашнего питомца. Лучше всего было бы занести ему Руди ещё до школы.

Мориц быстро оделся в то, что с вечера побросал кучей на стул перед письменным столом, и глянул на часы: четверть восьмого, он как раз мог всё успеть. На кухне он быстро съел тост и наскоро простился с удивлёнными родителями.

— Что?.. — хотел было спросить папа, но Мориц только крикнул ему, выбегая:

— Нулевой урок физкультуры!.. — Засунул Руди в карман куртки и хлопнул дверью квартиры.

Маленькому тигру, судя по всему, такое обращение показалось не самым приятным. Он отчаянно вопил и цеплялся когтями за карман под рукой Морица. Мориц как только мог быстро бежал в сторону Гортензиевого переулка. Альфонс хотя и жил недалеко, но, к сожалению, не в той стороне, где была школа.

И вот наконец Мориц стоит у дверей Альфонса и звонит. В ответ — ничего. Без четверти восемь. Мориц звонит ещё раз. Опять никакой реакции. Свинство! Мориц доходит до того, что жмёт

на кнопку звонка непрерывно, а стрелки часов между тем медленно приближаются к без десяти восемь. Однако звонить он может сколько угодно. Никто не открывает.

Морицу и в голову не могло прийти, что Альфонс так рано уходит из дома. И вот в кармане у него Руди, ему надо бежать в школу, и, даже если он будет очень спешить, всё равно опоздает. Занести Руди домой он тоже не может — ведь он сказал родителям, что у него урок физкультуры.

Мориц услышал вдали звон церковного колокола и бросился в школу бегом. Руди впился когтями в его брюки.

В школу Мориц попал только в пять минут девятого, но, к его облегчению, дверь в класс стояла открытой.

— Что случилось? — спросил он, садясь за парту рядом с Оле.

— Госпожа Шрёдер заболела, и мы ждём, кого пришлют на замену. А ты почему опоздал?

— Проспал, — коротко ответил Мориц, отчаянно пытаясь удержать Руди в кармане.

В этот момент в класс вошёл господин Нойвирт.

— Доброе утро, дети, — сказал он, бросая свою папку на стол. — Мне очень жаль, что я опоздал, меня слишком поздно известили. Штефан, Мирко, прекратите шуметь. Мориц, сними свою куртку.

Как Мориц и опасался, в классе постепенно воцарилась тишина.

И когда господин Нойвирт повернулся к доске, чтобы записать несколько дробей, вдруг послышалось отчётливое мяуканье. Оле удивлённо посмотрел на Морица, господин Нойвирт моментально обернулся.

— Кто это сделал?

Некоторые в классе захихикали, но никто не сказал ни слова.

Учитель пристально оглядел их и снова повернулся к доске. На сей раз мяуканье было ещё громче и жалобнее. Оле прошептал:

— Что ты делаешь?

Господин Нойвирт отложил мел и сел за стол.

— Ну хорошо, — сказал он. — Я подожду. В конце концов, мне-то что с того, что вам придётся проработать всю перемену. Если кому-то из вас хочется бойкотировать урок и дальше, я подожду.

На секунду воцарилась тишина. И тогда Мориц встал и сказал:

— Можно выйти?

— Помяукать? — спросил господин Нойвирт.

Весь класс покати́лся со смеху.

Мориц попытался зажать Руди пасть и ответил:

— Мне надо в туалет.

— Тогда иди, — сказал господин Нойвирт. — Поторопись. А остальных в классе я попрошу сосредоточиться.

Мориц чуть не бегом выскочил из класса, но Руди всё же успел издать свой последний вопль, и Оле проводил Морица удивлённым взглядом.

Морицу пришла в голову спасительная мысль, и он побежал в холл перед кабинетом биологии. Там на полу стоял стеклянный ящик, в котором жили тушканчики. Пусть Руди побудет с ними до конца уроков, а потом он наконец отнесёт его к Альфонсу Мейерберу. От этой мысли Мориц испытал такое облегчение, что почти не чувствовал, как крохотные коготки Руди впиваются ему в руку. Холл перед кабинетом биологии был пуст, и Мориц осторожно достал Руди из кармана.

— Это только на полдня, а потом я отнесу тебя к Альфонсу, — сказал он и внимательно посмотрел на малыша.

Руди, казалось, ответил ему недовольным взглядом и беспокойно завертелся у него в руках. Мориц осторожно

опустил его в стеклянный ящик, в котором тушканчиков как раз не было видно. Маленький тигр спрыгнул с ладони и принялся грызть какие-то листья.

Мориц бегом вернулся в класс и до конца урока постарался больше не привлекать к себе внимания. Когда наконец началась перемена, Оле спросил:

— Что это было?

— Ты о чём? — отозвался Мориц с самым невинным видом.

— Я про мяуканье, — уточнил Оле.

— Это был не я, — вполне правдиво ответил Мориц.

— Я знаю, что не ты. Как раз потому и спрашиваю.

Мориц секунду поколебался.

— Это был парковый тигр, — признался он наконец.

Оле уставился на него и затем скривился в язвительной улыбке:

— Ага, конечно!

— Я могу тебе его показать, на большой перемене.

— Да уж, это любопытно, — ответил Оле.

Но не так-то просто оказалось остаться в здании школы во время большой перемены. Казалось, на каждом углу подстерегают учителя, которые так и норовят выгнать тебя во двор. Но в конце концов друзьям удалось пробраться в холл перед кабинетом биологии.

Мориц в нескольких словах рассказал Оле, что произошло, и вот они добрались до ящика с тушканчиками.

— Смотри, — сказал Мориц, — вон он, в самом углу.

Руди, явно умаявшись за бессонную ночь, теперь свернулся калачиком и мирно спал.

— С ума сойти, — пробормотал Оле. — До чего же он милый.

Но недолго он наслаждался видом спящего Руди.

— Ха, Оле считает тушканчиков миленькими? — подскочил к ним Штефан Рабентраут.

Мориц обернулся и попробовал заслонить собой ящик. Но было поздно.

— Ну-ка, что там у нас такое? — зло-вещим тоном произнёс Штефан и с любопытством заглянул в стеклянный ящик через плечо Морица. — Мини-тигр?

Он попытался отодвинуть Морица в сторону, но тот упёрся и не сдвинулся с места ни на сантиметр. Тут между ними вклинился Оле и оттолкнул Штефана. Но Штефан отреагировал неожиданно быстро — отпихнул Оле, ринулся к ящику и сунул руку внутрь. Мориц хотел оттолкнуть его руку, а Оле в то же время так рванул Штефана сзади, чтобы оттащить прочь, что Штефан опрокинулся навзничь. И потянул за собой стеклянный ящик вместе с тушканчиками и Руди, парковым тигром...

Последовавшая затем суматоха со звонком разбитого стекла, писком тушканчиков и воплями Оле и Штефана вывела бы из себя и более спокойного человека, чем господин Гавелка. Школьный завхоз был в целом человек дружелюбный и готовый прийти на помощь, но, когда речь шла о животных, мог не на шутку

рассердиться. Что и произошло, когда он свернул в холл в ту самую минуту, как Штефан опрокинул на себя ящик. В прошлом году завхоз уже застукал Штефана за тем, как тот обстригал усы

у мыши. Поэтому он не сомневался, кто виновник хаоса. Он схватил протестующего мальчика за руку, крикнул Морицу и Оле, чтобы они отловили тушканчиков, а сам прямым ходом повёл виновника в кабинет директрисы.

Мориц и Оле взглянули друг на друга и ухмыльнулись.

— Ну, сейчас будет дело, — с надеждой сказал Мориц.

— Хорошо бы, — ответил Оле. — Давай искать тушканчиков.

— Сначала Руди, — сказал Мориц.

— Да, — ответил Оле. — Его в первую очередь.

МОРИЦ ПРОГУЛИВАЕТ ШКОЛУ И УДИВЛЯЕТСЯ

Ловить тушканчиков оказалось делом хлопотным, и к тому времени, когда прозвенел звонок на урок, Мориц и Оле изловили только одного и посадили его в картонную коробку. Разумеется, то, что вернувшиеся с перемены ребята, галдя, столпились перед останками стеклянного ящика, пошло только во вред делу. Некоторые девочки громко визжали, завед в углу тушканчиков, отчего те начинали в испуге подпрыгивать и лезть на стенку, вызывая ещё больший девчоночий визг.

Но худшим было то, что Руди так и не нашёлся.

— Он наверняка натерпелся страху, — сказал Мориц, в то время как Оле метнулся в угол и поймал второго тушканчика. Оле кивнул, тяжело дыша.

— Согласись, это была не самая лучшая идея — принести его с собой в школу, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Мориц расстроенно. — Но у меня не было выбора.

И он рассказал Оле всю историю.

— Может, господин Мейербер ещё спал? — предположил Оле. — Ты бы попытался позвонить снова.

— Я звонил без перерыва, — возразил Мориц.

— Или он с утра пошёл к врачу, — продолжал Оле. — Моя бабушка тоже иногда уходит к врачу.

Дети давно разбежались по классам, и Мориц с ужасом думал о том, что скажет госпожа Майер об их опоздании на урок, но в этот момент в холле появился господин Гавелка.

— Привет от госпожи Майер. Вы должны остаться и помочь мне навести здесь порядок, — сказал он. — Сдаётся мне, не так уж вы и непричастны к тому, что тут произошло.

— Это Штефан сказал? — уточнил Мориц.

— Да, Штефан, — не слишком приветливо подтвердил господин Гавелка. — И,

хотя я знаю цену отговоркам Штефана, на сей раз мне кажется, что хотя бы половина правды в его словах есть.

Он осторожно поднял с пола два самых больших осколка.

— Но что за вздор Штефан нёс насчёт тигра, я так и не понял, — продолжал завхоз, качая головой. — Только пусть он рассказывает это своим родителям, а доктор Хансман пока что исключила его из школы.

Мориц и Оле ухмыльнулись, обменявшись победными взглядами. Наконец-то!

Мориц как-то видел отца Штефана на школьном празднике — да уж, Штефана ждёт не слишком большое удовольствие объяснять, что случилось.

Ещё через полчаса холл приобрёл относительно нормальный вид. Они отыскали четырёх из пяти тушканчиков, а стеклянный ящик был временно заменён на надёжный деревянный, который господин Гавелка на скорую руку выстлал травой и соломой.

— Можете возвращаться в класс, — сказал он. — И спасибо вам, несмотря ни на что.

Мориц и Оле пошли в свой класс, по пути заглядывая в каждый уголок: не спрятался ли там Руди? И, когда Мориц свесился через лестничные перила, чтобы осмотреться, он вдруг услышал тихий щелчок. То был стеклянный шарик. Он выпал на плиточный пол и теперь, светясь синим светом, покатился вперёд.

Оле хотел его поднять, но Мориц пробормотал:

— Погоди-ка... — И пошёл вслед за шариком.

Шарик катился прямо, но потом заложил невероятный вираж в следующий холл, повернул там к стене и скрылся под шкафом с картами. Мориц опустился на колени и заглянул под шкаф. И наконец услышал там звуки, которых с надеждой ждал, — слабое мяуканье Руди.

— Руди, это я, Мориц, — тихонько окликнул он. — Вылезай!

Но маленький зверёк не показывался.
— Руди, выходи, — продолжал упрашивать его Мориц.

Никакого тигра. Стекланный шарик выкатился из-под шкафа, и Мориц снова спрятал его в карман.

— Руди, вылезай, я отнесу тебя к Альфонсу, — сделал Мориц ещё одну попытку.

Никакого результата.

— Руди, у меня есть изюм.

Мяуканье прекратилось.

— А у Альфонса его ещё больше.

Мориц услышал, как что-то легонько скребётся, и наконец из-под шкафа, весь в пыли, вылез маленький тигр и поднял на него укоризненный взгляд.

— Я так рад, что ты нашёлся! — сказал Мориц, осторожно подхватив его на руки. Руди внимательно посмотрел на него. — Послушай, сейчас ты должен десять минут вести себя тихо. А потом я ещё раз попытаюсь отнести тебя к Альфонсу.

Может, Морицу это всего лишь померещилось, но тигр вроде бы кивнул

и действительно больше не издал ни звука, так что Мориц смог досидеть до конца урока немецкого языка. На перемене он подошёл к госпоже Майер.

— Я плохо себя чувствую, у меня сильно болит голова, — сказал он.

— Очень жаль, — ответила госпожа Майер. — Может, надо вызвать твоих родителей?

— Не нужно. У меня есть ключ, и я сам дойду до дома.

Госпожа Майер посмотрела на него с сомнением. Потом сказала:

— О'кей. Но, может, попросить кого-нибудь проводить тебя?

— Нет, не надо, — отказался Мориц, силясь придать себе вид страдающего, но стойкого человека.

— Тогда надеюсь, что завтра мы увидимся, — простилась с ним госпожа Майер. — Выздоровливай.

— Спасибо, — кивнул Мориц, молниеносно собирая свой портфель.

И тут раздалось мяуканье.

— Это ты мяукнул? — удивилась госпожа Майер.

— Нет, — честно сказал Мориц и поспешил выбежать из класса — не в последнюю очередь оттого, что карман его куртки стал тёплым и влажным. Руди помочился ему прямо в руку.

А госпожа Майер на следующей перемене рассказывала в учительской, что ей, должно быть, пора в отпуск.

— Представь себе, — сказала она госпоже Хансман, — у меня уже звуковые галлюцинации: я слышу мяуканье.

— Ну, ты не одна такая, — ответила директриса. — Штефан Рабентраут рассказывал нам что-то про тигра, которого он якобы видел в ящике у тушканчиков.

— Да что ты говоришь... — задумчиво произнесла госпожа Майер.

Мориц между тем снова спешил к Альфонсу, и у него не было даже минутки глянуть по сторонам и насладиться хорошей весенней погодой. Подбежав к нужному подъезду, он нажал на кнопку

звонка и уже собрался давить на неё без перерыва. Но этого не понадобилось, дверь почти сразу открылась.

— Мориц, мой дорогой мальчик, — улыбаясь, сказал Альфонс Мейербер, когда тот вошёл. — Можно подумать, что стряслась какая-то беда!

— И стряслась в какой-то мере, — ответил запыхавшийся Мориц. — Как хорошо, что вы дома! Я ведь ещё утром приходил.

— Ах, а я всегда отключаю звонок до девяти часов, — объяснил Альфонс. — Утром мне обязательно надо выспаться. Но теперь-то проходи.

Мориц не заставил себя упрашивать. Между тем к двери подошёл Хайнрих, домашняя свинья, чтобы поприветствовать его громким хрюканьем. Альфонс Мейербер завёл себе поросёнка после того, как ему пришлось отдать в зоопарк своего домашнего слона Цицерона. Надо сказать, что Хайнрих вёл себя очень воспитанно для свиньи и характер имел весьма дружелюбный.

Когда Мориц вошёл в гостиную, то обнаружил нового жильца. На изящном столике, за которым обычно пили кофе, теперь стояла крупная серая птица с голубыми лапами и суровым взглядом светлых глаз. Её острый клюв показался Морицу очень опасным, поэтому он на всякий случай попятился.

— Не надо его бояться, он тебе ничего не сделает! — подбодрил сзади Альфонс. — Это Эберхард.

И добавил благоговейно:

— Эберхард — голубоногая олуша.

— Что он здесь делает? — спросил Мориц.

— О, он здесь живёт. Я выкупил его у одного старика, который переезжал в дом престарелых. С Эберхардом немного хлопотно, потому что он вообще-то предпочитает находиться в воде. Я теперь то и дело тайком проношу его в зоопарк и на несколько часов оставляю у пингвинов. Ему нравится.

Мориц кивнул.

— Но во всём прочем он действительно очаровательный. Правда, мне приходится приносить ему много рыбы.

Птица между тем спрыгнула со стола, проковыляла на своих забавных лапах к Морицу и дала ему увесистого тычка.

— Это он тебя приветствует, — расстроганно сказал Альфонс.

Наконец Мориц устроился на диване. Птица, неуклюже переваливаясь, вышла из комнаты. А Хайнрих улёгся у ног Морица и приветливо смотрел на него. Мориц немного почесал его за ушами и потом бережно вынул Руди из своего подмоченного кармана.

— Руди! — воскликнул Альфонс, увидев его. — А я-то тебя обыскался!

Тигр издал несколько тихих звуков, которые Альфонс, казалось, понял мгновенно.

— Ах, вон что... да, конечно, — сказал он. И добавил, повернувшись к Морицу: — Это хорошо, что ты его принёс,

здесь он может остаться на несколько дней. Хайнрих будет рад компании.

А вот Мориц был не слишком уверен, что подросшая домашняя свинья может составить хорошую компанию крошечному тигру. Ещё меньше он был уверен в этом относительно голубоногой олуши. Но он доверял Альфонсу, который был уникальным экспертом по части необычайных домашних животных. И в самом деле, Рудиковым прыжком очутился между передних копытцев Хайнриха и доверительно свернулся там калачиком, а тот при этом разглядывал его, нежно похрюкивая. Мориц с облегчением откинулся на спинку дивана. Дело было сделано.

Они ещё немного поболтали за стаканом домашнего малинового сока, и Мориц рассказал про господина Розочку и его болезнь.

— Ах, бедняга, — вздохнул Альфонс. — Он ведь уже не самый молодой среди нас, а берёт на себя иногда слишком много. Я должен навестить его сегодня же после обеда.

Потом Мориц простился с Альфонсом. Он ещё успевал выполнить домашнее задание по немецкому, а после обеда, как и обещал, прийти к Сильвио.

Выйдя на улицу, Мориц вздохнул полной грудью. Стало уже так тепло, что можно было снять куртку, а нежная зелёная дымка на кустах в последние дни сделалась заметнее. В палисадниках цвели жёлтые колокольчики и разноцветные примулы. Пахло сырой землёй и чем-то сладким, а чем именно — он не мог бы определить.

Он шёл мимо парка и не успел пройти и нескольких шагов, как вдруг что-то заставило его остановиться. На скамейке в парке сидел, понутившись, мальчик. Свой портфель он небрежно бросил на землю, а лицо спрятал в ладони. Он был рослый и крепкий, и Мориц узнал бы его, даже если бы тот не поднял в этот момент своё заплаканное лицо. Перед ним на скамье сидел Штефан Рабентраут.

МОРИЦ ПРИДУМЫВАЕТ ИСТОРИИ

Мориц был далёк от того, чтобы испытывать жалость к Штефану. Он слишком часто видел, как тот мучил и допрашивал других, да и сам он достаточно натерпелся от его подлостей. Но впервые с тех пор, как познакомился со Штефаном, он почувствовал к нему хоть что-то, кроме чистой неприязни. Тот факт, что Штефан плакал, делал его человечнее и как-то даже меньше ростом. Впоследствии невозможно было сказать, как это получилось, но Мориц вдруг сел рядом с ним на скамейку.

Между ними оставалось довольно большое расстояние. Мориц молчал. Штефан тоже. Некоторое время они просто сидели и смотрели каждый перед собой. Потом Штефан поднял голову и сказал голосом, в котором не осталось и следа его обычной вредности:

— Теперь они отправят меня в интернат.

Он сказал это сухо, почти безучастно, но голос его дрогнул. И Мориц увидел,

что ему стоило больших усилий снова не разреветься.

— Да ну, ерунда, — сказал он.

— Ничего не ерунда, — ответил Штефан. — Отец так и сказал: «В следующий раз отправишься в интернат». А он слов на ветер не бросает.

— Но не из-за таких же пустяков, — возразил Мориц.

— Да они только рады будут от меня избавиться! — выкрикнул Штефан. — Их никогда нет дома, даже на выходные они отвозят меня к деду с бабушкой.

— Но почему? — удивился Мориц, хотя мог бы понять людей, которые не хотят проводить выходные со Штефаном.

— Потому что они всё время работают. А если не работают, то уходят куда-нибудь. Или они на площадке для гольфа. А мама потом говорит: «Так надо, дорогой». Потому что на площадке для гольфа они встречаются со своими партнёрами по бизнесу. А я там будто бы всё равно скучать буду.

Мориц молчал. Он пытался представить себе, каково было бы ему самому, если бы его родители постоянно отсутствовали.

— И они без конца меня ругают. За плохие оценки, за то, что у меня не те друзья, за то, что я слишком толстый... Иногда мне кажется, они и с собой меня не берут потому, что стыдятся меня.

Ещё пять минут назад Мориц понял бы всякого, кому Штефан так же противен, как ему самому. Но то, что его не любят собственные родители, было уже слишком. Некоторое время он раздумывал. Что-то его кольнуло — в тот момент, когда он увидел Штефана сидящим на этой скамье. Разумеется, случай с разбитым стеклянным ящиком был подходящим, чтобы навсегда избавиться от него. И разумеется, Штефан десять раз заслуживал того, чтобы вылететь из школы. Но только не из-за ящика с тушканчиками. Ведь это Мориц посадил туда паркового тигра, а Оле

так дёрнул Штефана, что ящик опрокинулся. Мориц поразмыслил ещё немного и наконец принял решение.

— Я скажу госпоже Хансман, что это был я, — пообещал он.

Штефан смотрел на него ошеломлённо.

— Ты так скажешь? Но почему? Это же неправда.

— Потому что мои родители не отправят меня из-за этого в интернат, — уверенно сказал Мориц.

Штефан смотрел на него молча.

Мориц тоже некоторое время молчал. Потом продолжил:

— Но и от тебя я кое-чего хочу.

Штефан горячо закивал:

— Всё, что хочешь! Только скажи.

— Я хочу, чтобы ты оставил Сильвио в покое, это первое.

Штефан кивнул:

— Понятно, не проблема.

— И я хочу, чтобы ты больше не до-
нимал младших.

Штефан некоторое время колебался. Согласие на это давалось ему явно труднее.

— О'кей, — сказал он наконец.

На мгновение у Морица возникло чувство, что он совершает ошибку. Но если Штефан не сдержит свои обещания, он рано или поздно всё равно отправится в интернат. И тогда, по крайней мере, в этом не будет вины Морица.

— Идём, — сказал он.

Они явились в школу к середине пятого урока. Доктор Хансман проверяла тетради.

— А вы что здесь делаете? — спросила она. — Штефан, насколько я припоминаю, я исключила тебя из школы.

Мориц откашлялся.

— Дело в том, что во всём виноват я, — сказал он.

Госпожа Хансман удивлённо взглянула на него. Она явно не верила, что Мориц добровольно защищал Штефана, да в этот момент и сам Мориц не смог бы в это поверить.

— Я... э-э... Это я опрокинул тот стеклянный ящик, — сказал он наконец.

— И Оле, — подсказал Штефан, который уже снова чувствовал себя на коне.

— Оле — нет! — прикрикнул на него Мориц.

— Так всё-таки как же? — спросила доктор Хансман.

— Я опрокинул его оттого, что потянул Штефана за плечо. А Оле только стоял рядом.

Это была ещё одна ложь, но Штефан промолчал.

— Мориц, — сказала госпожа Хансман, — почему ты рассказываешь мне это только сейчас?

— Потому что он не один виноват.

— Хм, — озадачилась госпожа Хансман. Она не хуже Морица знала, что Штефан заслужил исключение из школы — не по этим, так по другим причинам. Мориц же ещё ни разу не был ею замечен в чём-то плохом, а та давнишняя драка со Штефаном Рабентраутом говорила скорее в его пользу.

— Что-то у меня в этой истории концы с концами не сходятся, — сказала

она. — Но хорошо, Штефан, я отменяю твоё исключение из школы. Вы оба работаете у господина Гавелки по одному часу в наказание за порчу имущества. И я напишу записки вашим родителям.

Морицу и Штефану пришлось ждать в секретариате, пока она напишет эти записки. Штефан сосредоточенно смотрел прямо перед собой. Мориц тоже молчал.

— Принесёте мне эти записки завтра утром с подписями родителей, — сказала директриса, вернувшись с запечатанными конвертами.

Оба кивнули.

В этот момент раздался звонок с урока, и так получилось, что Мориц, выйдя из секретариата, невзначай попался на глаза госпоже Майер, которая направлялась в учительскую.

— Мориц! — удивлённо воскликнула она. — Мне показалось, ты болен?

— Мне уже стало лучше, — сказал он. — И... мне надо было поговорить с госпожой Хансман.

— Ах, и ты тоже снова здесь, Штефан, — сказала госпожа Майер. — Ну, кажется, теперь и мне надо кое-что обговорить с госпожой Хансман. Идите в класс. Я скоро вернусь.

Штефан и Мориц, не говоря ни слова, поплелись в класс.

— А ты что здесь делаешь? — спросил Оле.

— Это я тебе потом объясню, — сказал Мориц.

Штефан, не говоря ни слова, уселся на своё место.

— По крайней мере, Руди уже у Альфонса, — добавил Мориц.

После урока госпожа Майер попросила Морица ненадолго задержаться.

— Доктор Хансман рассказала мне, что произошло...

Мориц молчал.

— Скажи, Штефан на тебя давил? — продолжала госпожа Майер. — Он тебе чем-нибудь угрожал?

— Нет, — сказал Мориц. — Просто это было несправедливо.

— О'кей, — кивнула госпожа Майер. — Но до сих пор у меня не было впечатления, что ты такой уж большой друг Штефана.

— Не беспокойтесь, — сказал Мориц. — Я и не собираюсь с ним дружить.

И это была чистая правда.

МОРИЦ ИДЁТ В ГОСТИ К СИЛЬВИО

Прочитав записку госпожи Хансман, папа, конечно же, не обрадовался.

— Знаешь, Мориц, — сказал он. — Я считал тебя чуть более ловким парнем. Ладно, раз уж мы нарвались на такую неприятность, никуда не денешься, придётся оплачивать этот ваш ящик. Но денег на это у нас сейчас нет. Вся надежда только на страховку. Иначе тебе придётся поделиться твоими карманными деньгами.

Мориц решил, что попробует папе всё объяснить, и начал рассказывать, как было дело. Но поскольку при этом приходилось избегать того, что касалось паркового тигра, история получалась совсем запутанной.

— Вот я не понимаю, — сказал папа, — что тебя понесло к этому ящику с тушканчиками? И почему ты потом сказался больным?

Тут Морицу пришлось импровизировать.

— Я побежал к тушканчикам, потому что кто-то сказал, что у них родились тушканята. Но оказалось, ничего подобного. А потом у меня внезапно разболелась голова.

— Внезапная болезнь, ну-ну, — сказал папа. — А потом, когда ты встретил Штефана, боль сразу прошла?

— Не то чтобы прошла, но мне показалось несправедливым, если накажут его одного. А он страшно боится, что родители отправят его в интернат.

— Не думаю, что ты оказываешь Штефану услугу, выгораживая его. Но с твоей стороны это было очень благородно. И что потом стало с твоей внезапной головной болью?

— Как рукой сняло, — сказал Мориц.

Вообще-то он собирался после обеда навестить господина Розочку, но папа сказал, что старый господин спит и зайти к нему можно будет только вечером:

— К счастью, ему уже лучше, температура падает. Сейчас ему нужен покой.

В этот день Мориц отправился к Сильвио. Поскольку дорогу он теперь знал, он поехал на велосипеде через парк. Светило солнце, и было очень тепло. Посреди дорожки стояли два фотографа и обсуждали, в какую сторону им двинуться.

— Там мы уже были, — говорил тот, что выше.

— Да, были, но не сегодня, — возражал низенький. — Может, у него сменилась дислокация.

Мориц ухмыльнулся и поехал дальше.

Когда он звонил в дверь маленького таунхауса, ему было не по себе. Но напрасно он беспокоился. Дверь открыл Сильвио и так обрадовался, что Мориц перестал жалеть о своём обещании. Отца Сильвио не было дома, а мать как раз ушла за покупками. Сильвио провёл его к себе в комнату, которая была чисто прибрана и украшена множеством постеров на футбольную тему.

— У отца сейчас собеседование, — сказал Сильвио. — Он уже целый год

безработный, и с тех пор... ну, вот. Он очень нервный из-за этого.

— А кто твой отец по профессии?

— Он техник, специалист по бытовому оборудованию, — сказал Сильвио и с гордостью добавил: — Он просто потрясающий мастер. Он в самом деле может всё. Вот эту кровать-чердак он сделал для меня своими руками.

Мориц немного полюбовался его кроватью, и они решили пойти поиграть в футбол.

Когда возвращались, на улице заметно посвежело и уже смеркалось. На ступенях крыльца сидела старшая сестра Сильвио. Она молча показала большим пальцем себе за спину. Из дома слышались громкие голоса. Отец Сильвио орал на весь дом.

— Ты с ума сошла?! Мы не можем позволить себе такое! — услышал Мориц.

— Но дети... — тихо оправдывался женский голос.

— Дети, дети!.. — кричал муж. — Мы все вынуждены во всём себе отказывать, жизнь у нас такая!

— Я отнесу это назад, — сказала женщина.

— Не надо было вообще покупать!

На какое-то время стало тихо. Потом входная дверь распахнулась. Отец Сильвио с перекошенным от гнева лицом сбежал по лестнице, ни слова не сказав детям.

— Папа... — заикнулся было Сильвио, но господин Пиннеберг даже не обернулся. Быстрым шагом он удалялся вниз по улице.

— Сердитый у вас отец, — заметил Мориц.

— Он всё время боится, как бы мы не потратили слишком много денег, — сказал Сильвио. — Мама хоть и работает на полставки в аптеке, но зарабатывает не так уж много, и нам иногда приходится экономить.

Тут вмешалась сестра Сильвио.

— Да мы всегда экономим, — сказала она. — Мы никогда не ходим в кино или в пиццерию. Мы никогда не ездим в отпуск. Мои джинсы давно уже мне

коротки, а новых мне не видать. Если мои подруги договариваются встретиться в городе, я никогда не хожу с ними. Я уже просто ненавижу всё это. — Тут из глаз у неё брызнули слёзы, и она убежала в дом.

Мориц и Сильвио ещё немного посидели на крыльце. Потом Мориц сказал: — Пожалуй, мне пора домой.

Сильвио предложил:

— Может, хочешь поздороваться с моей мамой?

Госпожа Пиннеберг сидела, сгорбившись, за столом в гостиной. Когда они вошли, она подняла голову и попыталась улыбнуться. Это была миниатюрная светловолосая женщина, которую можно было бы назвать хорошенькой, не будь она такой печальной. На столе перед ней лежали две пары новых джинсов.

— Привет, радость моя, — сказала она Сильвио. — А ты, наверное, Мориц?

— Добрый день, — поздоровался Мориц и протянул ей руку.

— Добрый день, — ответила госпожа Пиннеберг. — Вам, наверное, хочется пить? На кухне есть яблочный сок.

— Ты правда отнесёшь джинсы назад? — спросил Сильвио.

— Нет. Спрячем их у вас в шкафу, а через пару дней вы их просто наденете. К тому времени папа успокоится.

Мориц чувствовал себя неудобно, присутствуя при таком разговоре.

— Мне, пожалуй, надо идти, — сказал он.

— Уже? — огорчился Сильвио.

— В следующий раз ты ко мне приходи, — предложил Мориц.

Домой он возвращался через сумеречный парк и чуть было не наехал на двоих фотографов, которые со своими громоздкими фотоаппаратами выбрались из кустов, громко обмениваясь мнениями.

— Я же тебе говорил, этого зверька не существует, — сказал высокий.

— Я думаю, мы просто ещё не всё обыскали, — сердито ответил низкорослый.

— Кто вообще навёл тебя на мысль, что парковые тигры существуют? — спросил первый.

— Это было напечатано в «Новейших известиях», — упрямо отозвался второй. — И мы бы наверняка получили за снимки хорошие деньги от «Звезды».

— Получили бы. Если бы он существовал... — Голоса постепенно стихали.

Мориц торопился домой. Теперь он наконец навестит господина Розочку.

ГОСПОДИН РОЗОЧКА ВЫЗДОРАВЛИВАЕТ

После ужина Мориц спустился на второй этаж. Старый господин по-прежнему лежал в постели и был ещё очень бледен, но Мориц с облегчением увидел, что выглядит он намного лучше, чем накануне.

— Мориц, мой мальчик! Как хорошо, что ты пришёл! — сказал господин Розочка и улыбнулся.

И улыбка его стала уже почти такой же сияющей, как обычно.

— Как Ваши дела? — спросил Мориц.

— Как нельзя лучше, — ответил господин Розочка.

Мориц засмеялся.

— А твои? — спросил господин Розочка.

Морицу было что рассказать. Он начал с истории переселения Руди («Жаль, что меня не было у вас на кухне, я много пропустил», — посетовал, забавляясь его рассказом, господин Розочка), потом последовал Штефан Рабентраут («Благородно, но, может быть, не очень умно», — заметил господин Розочка), и наконец

очередь дошла до Сильвио. Это, сказал господин Розочка, было самым сложным делом.

— Отец у него очень уж свирепый, — объяснил Мориц. — Всё время кричит, и я думаю, в тот раз он даже побил Сильвио.

— Это плохо, — сказал господин Розочка. — Бить людей нельзя никому. И кричать на них, разумеется, тоже никому нельзя. Но, может быть, он не столько злой, сколько отчаявшийся человек. Знаешь, Мориц, я многое повидал. И худшее для родителей, если они не могут сами обеспечить своих детей. Это их очень огорчает.

— Может быть, — сказал Мориц безжалостно. — Но это не причина для того, чтобы огорчать ещё и своих детей.

— Ты прав. Но, кажется, для Сильвио теперь есть хотя бы небольшое утешение: он нашёл нового друга...

Они ещё немного поболтали, и господин Розочка рассказал о Мали и о большой реке Нигер.

— Это очень бедная страна, — сказал он. — И не все дети могут там ходить в школу.

Оказалось, он помогал в Мали брату и сестре, родители которых хотели забрать их из школы после первых трёх классов.

— Но такое далёкое путешествие отняло у меня много сил. В будущем мне придётся поручать это более молодым.

— А что, таких, как вы, много? — удивлённо спросил Мориц.

— Конечно, — кивнул господин Розочка. — Иначе было бы невозможно справиться со всей работой. Но не все работают так много, как я. У большинства в жизни есть другая работа или семья.

Мориц как раз собирался спросить, как вообще становятся такими решателями проблем, но тут в дверь позвонили. Это пришёл господин Мейербер, который тоже хотел навестить больного.

— Ну как там Руди, прижился? — спросил Мориц и рассказал про двух фотографов.

— Всё прекрасно, — сказал Альфонс. — Хайнрих позволяет ему спать у себя между передними ногами.

Время было уже позднее, и Мориц стал прощаться.

— Да, кстати, спасибо за посылочку, — вдруг вспомнил он и подмигнул господину Розочке.

— Посылочку? Какую посылочку? — удивился старый господин.

— Ну, за тот свёрток, который вы позавчера вечером положили мне под дверь.

— Мне очень жаль, Мориц, но, наверное, это сделал кто-то другой.

— О... ну, ладно, — сказал Мориц не очень убеждённо и пообещал зайти на следующий день.

Наверху его ждал папа с мрачной миной.

— Угадай, кто звонил, — сказал он.

— Сильвио?

— Нет. Отец Штефана Рабентраута. Он сообщил мне, что не намерен участвовать в возмещении ущерба.

— Ага, — сказал Мориц. — И почему это?

— Штефан сказал ему, что ты один опрокинул стеклянный ящик.

Мориц на секунду лишился дара речи. Потом воскликнул:

— Вот подлец!

— Да. И его отец утверждает, что у него нет причин сомневаться в правдивости слов сына.

— И как он только мог? — сказал Мориц, больше себе самому.

— Возможно, он просто очень боится своего отца, — задумчиво проговорил папа. — Но на результат это, конечно, никак не влияет.

— Тогда я пойду к госпоже Хансман и скажу ей правду.

— Я думаю, доктор Хансман догадывается, в чём правда, но она скажет тебе, что ты обязан был предвидеть последствия. Кроме того, мне представляется, что она не захочет выслушивать третью версию событий. Мы больше не сможем повлиять на это, самое большее — извлечём из этой ошибки урок. Я уже приготовил бумаги по своей страховке.

Лёжа в постели, Мориц не мог уснуть от ярости. И как только он мог оказаться таким глупцом! Ему следовало бы заранее знать, что Штефан обязательно его подставит.

И ещё один вопрос занимал его. Кто же тогда подарил ему шарик, если это был не господин Розочка? И почему этот шарик всё время его куда-то приводит? Казалось, он обладал какой-то внутренней силой, которая позволяла ему поворачивать за углы и катиться через ветки и корни...

В конце концов размышления над всем этим усыпили его...

На следующее утро, когда он шёл в школу, ярость всё ещё кипела в нём. Даже Оле не смог развеселить его, тем более что Мориц не хотел рассказывать ему эту историю. Оле счёл бы его сумасшедшим!

Когда Оле и Мориц вошли в класс, Штефан уже сидел на своём месте и тупо смотрел в раскрытую на парте тетрадь.

Проходя мимо него, Мориц прошипел:

— Ну спасибо, ты мне угрожил!

Тот не отреагировал. Но, дойдя до своего места, Мориц услышал хриплый голос:

— Я не мог иначе.

Мориц обернулся. Штефан поднял голову и смотрел на него. Но его взгляд не был глумливым, как бывало раньше. Штефан был бледен и явно тоже провёл не самую спокойную ночь.

— Все остальные обещания... ну, ты помнишь... я выполню, — сказал он.

Оле стоял рядом с Морицем и слушал этот разговор с нарастающим недоумением.

— Интересно будет посмотреть, — буркнул Мориц и сел, чтобы достать тетрадь с домашним заданием.

Разумеется, Оле до конца дня не раз пытался выведать, о чём шла речь. На второй большой перемене Мориц решил, что, пожалуй, можно ему и рассказать. И только он собрался начать, как вдруг из его кармана опять

выпрыгнул стеклянный шарик и покати́лся за угол. Он катился с неправдоподобной быстротой прямо к Лили, которая сидела на корточках у стены. Лили подняла подкатившийся шарик. Мориц в последние два дня был так занят своими делами, что едва замечал её. Теперь он увидел, что в глазах у неё стояли слёзы.

— Лили! — испуганно воскликнул он. — Что случилось?

— Папа ушёл, — прошептала она одними губами, почти беззвучно.

— Мне очень жаль, — сказал Оле.

Лили шмыгнула носом:

— Он сказал, что теперь у нас будут две детских комнаты и что это будет замечательно. Но я хочу одну детскую комнату. И двоих родителей!

Все трое молчали. Лили всхлипывала.

Затем Оле осторожно заметил:

— У Лассе, например, всё круто. Папа устраивает с ним всякие интересные вещи. Ездит в Диснейленд и всё такое.

— Я не хочу в Диснейленд! — выкрикнула Лили. — Я хочу, чтобы они просто оставались вместе!

Все трое ещё немного помолчали. Морицу не приходило на ум ни одного слова утешения.

— Давайте пойдём сегодня в парк? — предложил он наконец. — Там на детской площадке соорудили новый корабль, по нему можно лазить.

Его интересовало также, продолжают ли там разыскивать паркового тигра, но об этом он умолчал.

Когда после уроков Мориц выходил из школы, он стал свидетелем удивительного события. Сильвио спускался по лестнице, пугливо косясь на Штефана Рабентраута, который вместе с Мирко стоял внизу. Увидев его, Штефан махнул ему рукой и сказал:

— Привет, Сильвио!

Сильвио, который, казалось, не очень доверял миролюбию Штефана, кивнул в ответ, но обошёл его стороной.

Когда Мориц поравнялся с ним, Сильвио спросил:

— Что это было?

— Да уж! — сказал Мориц. — Чудеса!

ГОСПОДИН РОЗОЧКА И МОРИЦ ПЬЮТ ЧАЙ

Мориц, недолго думая, пригласил в парк и Сильвио, поэтому после обеда они встретились на детской площадке вчетвером. Новый корабль для лазанья оказался огромным, с большой шведской стенкой, с такелажем, каютами и настоящим штурвалом. Они вовсю веселились, и даже Лили, казалось, забыла все свои огорчения. Когда они играли в гибель «Титаника», в ближайшей церкви зазвонил колокол.

— О боже, — с испугом сказал Сильвио, — уже шесть часов!

— И что? — спросил Оле.

— Я должен был вернуться в полшестого, чтобы помочь отцу сходить за покупками! — крикнул он, отстёгивая свой велосипед.

— Подумаешь, ничего страшного, — пробормотал Оле, который опоздание на полчаса считал скорее пунктуальностью. Правда, в таком толковании он основательно расходился со своими родителями.

— Много ты понимаешь, — буркнул Сильвио. Секунду спустя в парке не было ни его, ни его велосипеда. Но и Мориц должен был вернуться в шесть, и он тоже поспешил домой.

В прихожей он застал маму, которая только что пришла и как раз здоровалась с Тимом.

— Прости, что я опоздал, — сказал Мориц.

— Ничего, — заметил папа, выходя из кухни. — Опоздать на четверть часа — почти то же, что прийти вовремя.

В этот момент зазвонил телефон. Папа взял трубку и долго слушал чей-то громкий и негодующий голос.

— Я спрошу его, — сказал он наконец и прикрыл трубку рукой. — Это отец Сильвио. Он спрашивает, куда Сильвио подевался.

— Он уехал ещё раньше меня, но ему, конечно, ехать немного дальше, — ответил Мориц.

Папа повторил это по телефону, положил трубку и после этого сказал:

— Ой-ой-ой, боюсь, Сильвио сегодня достанется.

У Морица пока ещё не было случая рассказать, как он накануне был в гостях у Сильвио. И за ужином он это наверстал.

— По крайней мере, Штефан оставил его в покое, — добавил он.

— Посмотрим, надолго ли, — скептически высказался папа. — Кстати, у меня хорошая новость: страховая компания заплатит за разбитый ящик.

— Вот это здорово! — с облегчением сказал Мориц, который уже с беспокойством подумывал о своих карманных деньгах.

— А ты был у господина Розочки? — спросила мама, обращаясь к папе.

— Да, я отнёс ему овощного супа, — ответил папа. — Он выздоравливает на удивление быстро. Сегодня уже вставал. Я посоветовал ему беречь себя. Но врач тоже вполне им доволен.

Морицу ещё нужно было делать домашнее задание по английскому, поэтому

свой визит к господину Розочке он решил перенести на завтра.

В школе на первой же большой перемене он пустился на поиски Сильвио. Но нигде его не нашёл. Обычно тот играл в футбол, а если его не было на футбольном поле, его следовало искать на сооружениях для лазанья.

— Ты Сильвио не видел? — спросил Мориц у Маттеса, одноклассника Сильвио.

— Его сегодня нет, — сказал Маттес. — Вроде как попал в аварию на велосипеде.

Мориц посмотрел на него с испугом:

— Он что, в больнице?

— Нет, у него только сотрясение мозга. Но Фриц, который заходит за ним по утрам, сказал, что велосипед разбит вдребезги.

Бедный Сильвио! Наверняка он попал в аварию из-за того, что очень спешил! И наверняка ему дома влетело за разбитый велосипед. Вернувшись после обеда

домой, Мориц рассказал папе, что произошло.

— Позвони ему и спроси, как он себя чувствует, — предложил папа.

Это была хорошая мысль, как показалось Морицу. Он разыскал номер и набрал его. Ответил ему грубый мужской голос:

— Да?

— Я... это Мориц. Я хотел узнать, дома ли Сильвио.

— Да, — ответил мужчина. И бросил трубку.

Мориц озадаченно посмотрел на трубку в своих руках.

— Он просто отключился, — сказал он.

— Ну надо же! — ответил папа. — А что с Сильвио?

Мориц пожал плечами.

— Понятия не имею.

Может, попытаться ещё раз, попозже, подумал Мориц, авось к телефону подойдёт мать.

В этот день ему задали много уроков, так что было уже почти пять часов,

когда он позвонил в дверь господина Розочки.

Старый господин открыл почти сразу, и Мориц с радостью заметил, что тому уже явно лучше.

— Входи, Мориц, я только что заварил чай, — пригласил господин Розочка.

Но на столе стоял не только чай. На серебряном трёхъярусном блюде горкой лежали сэндвичи — с лососем, огурцами и яйцами, — а рядом стояла тарелка с маленькими пирожками и ваза с чем-то похожим на сладкие булочки. Всё это завершалось двумя вазочками: одна была с конфитюром, а вторая — с чем-то вроде густых сливок.

— Вау! — воскликнул Мориц, у которого сразу потекли слюнки.

— Настоящий английский чай, — с гордостью изрёк господин Розочка и указал на маленькие булочки: — Сконы я испёк сам.

Мориц принялся за еду основательно, да и сам господин Розочка угощался

вволю. При этом он слушал новые истории про Сильвию.

— Мне кажется, туда неплохо было бы нанести визит, — сказал господин Розочка.

Мориц уже не раз становился свидетелем поразительного воздействия визитов господина Розочки — особенно когда тот применял свою серебряную солонку, — и его очень увлекла эта мысль. Правда, его беспокоило и здоровье господина Розочки.

— Вам пока нельзя выходить! Вы должны беречь себя!

— Вздор! — возразил господин Розочка и взял следующий сэндвич с огурцом. Затем уточнил: — Хотя вовсе не обязательно идти туда сегодня или завтра.

— Только после того, как вы будете совсем здоровы, — настаивал Мориц. А затем с надеждой сказал: — Может, мы смогли бы заглянуть и к родителям Лили? Они хотят развестись. И Лили из-за этого такая несчастная.

Господин Розочка опустил сэндвич, который поднёс было ко рту. Выглядел он опечаленным.

— Вот тут мне очень жаль, Мориц. Знаешь, иногда удаётся подтолкнуть людей к лучшему. Или укрепить их лучшие стороны. Но я никого не могу заставить любить другого. Это за пределами моих возможностей.

Мориц молчал. Господин Розочка тоже молчал.

— Но, может быть, я придумаю, как сделать Лили немного счастливее, — сказал он потом. — Мы могли бы при случае все вместе поехать к Пиппе, чтобы попробовать её чудодейственное мороженое.

Поскольку день ото дня становилось всё теплее, Мориц и сам частенько думал о лавке Пиппы.

— Мы могли бы взять с собой и Сильвио, — предложил он.

— Не могли бы, а просто должны! — сказал господин Розочка.

Под конец Мориц рассказал ему и о скором приезде бабушки. Она была папиной

мамой и уже давно жила совсем одна, потому что дедушка умер ещё до того, как Мориц появился на свет.

— Она приедет на мой день рождения в воскресенье, — сказал Мориц. — Вы к тому времени никуда не уедете?

— Никуда, — заверил его господин Розочка. — Совершенно точно.

— Тогда я с удовольствием вас приглашаю.

— Это большая честь для меня, — ответил господин Розочка.

ПРИЕЗД ЛИЛО

Сильвио появился в школе лишь в конце недели, и Мориц с испугом увидел, что тот хромает и у него явно ещё всё болит.

— Привет, Сильвио, — поздоровался он. — Я пытался тебе позвонить, но твой отец бросил трубку. Что с тобой случилось?

— Мы с велосипедом попали под машину.

Мориц испуганно ахнул.

— К счастью, меня в тот момент на велосипеде уже не было, потому что я с него свалился, — добавил Сильвио с кривой усмешкой. — Но велосипед превратился в металлолом.

— А что досталось тебе? — спросил Мориц.

— Мощные синяки на ноге и на боку. И растяжение связок. Меня на две недели освободили от физкультуры.

— Вот досада, — посочувствовал Мориц от всего сердца, поскольку уроки

физкультуры были, на его взгляд, самым большим удовольствием в школе. — Но мне есть чем тебя порадовать: мой сосед, господин Розочка, скоро пригласит нас на мороженое, и тебя тоже! А мороженое от Пиппы — это что-то особенное, от него все люди становятся счастливее.

— Не получится. Я до конца месяца под домашним арестом.

— Из-за чего?

— Из-за того, что я опоздал и угробил велосипед, — объяснил Сильвио, явно смирившись со своей участью.

— Но это же совершенно несправедливо! — возмутился Мориц. — Тебе и так досталось! И авария случилась только потому, что ты очень спешил.

— Поначалу отец тоже испугался, когда меня привезли домой на полицейской машине. Но потом быстро опомнился и решил, что во всём виноват я сам.

Они ещё немного поболтали, и Мориц предложил перенести поездку к Пиппе на то время, когда домашний арест кончится.

— Ты непременно должен попробовать это мороженое, — сказал он.

— Посмотрим, — ответил Сильвио.

В этот момент мимо пробежал Штефан Рабентраут. Он посмотрел на Сильвио, потом на Морица и спросил:

— Эй, Сильвио, привет! Ты в порядке?

Сильвио растерянно кивнул, и Штефан побежал своей дорогой.

— Это уже второй раз. Что с ним случилось? — спросил Сильвио.

— Понятия не имею, — ответил Мориц.

Уроки пролетели незаметно, потому что в голове у Морица был только приближающийся день рождения. Он очень надеялся, что получит в подарок новый велосипед: старый стал ему уже маловат. Он пригласил Лили и Оле, и, если погода будет хорошая, они пойдут в парк и устроят там пикник. Мориц считал, что его день рождения приходится на лучшее время в году: становится всё теплее, и впереди несколько месяцев, когда можно не сидеть по домам.

После обеда Мориц с папой и Тимом поехали на вокзал встречать бабушку Лизелотту, которую можно было называть только Лило, потому что слово «бабушка» ей не нравилось. Да оно и не сочеталось с её яркой внешностью. Пожив ещё в юности в Англии, она полюбила всё английское и сохраняла лёгкую склонность к экстравагантности. Сегодня это выразилось в тёмно-красной губной помаде и ярко-зелёном берете, изпод которого выбивались её седые кудри.

— Мориц, любимчик мой! — воскликнула она, увидев его, и лёгкой походкой двинулась навстречу. Что было не удивительно, ведь её огромный чемодан просто остался стоять на перроне. Мориц обнял Лило и вдохнул аромат розовых духов, которыми неизменно благоухали все её платья.

— А вот и наш Тим! — пропела она и раскрыла объятия Тиму.

Наконец крепкие объятия достались и папе Морица, а потом они все вчетвером пошли к машине, при этом Лило

непрерывно болтала, рассказывая забавные истории, приключившиеся с ней в поездке.

Мориц не знал другого человека, с которым приключалось бы столько историй, как с его бабушкой, и иногда даже подозревал, что половину из них она выдумывает. Когда однажды он поделился сомнениями с мамой, она ответила:

— Лучше хорошо придумать, чем плохо рассказать, — и засмеялась.

Когда они добрались до подъезда, Лило рассказывала о проводнике, который пролил одной даме на колени бутылку газировки. Папа был занят тем, что выгружал из машины чемодан, поэтому дверь в подъезд открыл Мориц и вместе с Лило и Тимом дожидался в дверях папу. В этот момент на лестнице зажёгся свет, и Мориц услышал, как кто-то спускается по ступеням.

Это оказался господин Розочка, он явно намеревался совершить оздоровительную прогулку. Как обычно, он был тщательно одет: светло-коричневый костюм,

светлое летнее пальто и лёгкая шляпа, которую он тут же снял, чтобы представиться. При этом он смотрел на бабушку Морица так, будто был сильно и приятно поражён.

— Добрый день и добро пожаловать! — сказал он, ослепительно улыбаясь. — Вы, наверное, бабушка Морица. Моё имя Леопольд Розочка.

— Лило Фройденрайх, — ответила бабушка, тоже сердечно улыбнулась в ответ и протянула господину Розочке свою тонкую руку, к которой он элегантно склонился для поцелуя. — Я, разумеется, уже слышала о вас много невероятного!

— О, всё это было, конечно, безмерно преувеличено, — сказал господин Розочка. — В настоящий момент моё самое большое достижение состоит в том, что я совершаю ежедневные прогулки по парку. Кстати, парк великолепный. Всё цветёт.

— Волшебно, не правда ли? — ответила Лило и посторонилась, пропуская папу,

который тащил её чемодан. — Я люблю весну.

— Самое романтическое из всех времён года, — согласился с ней господин Розочка.

— Господин Розочка тоже придёт на мой день рождения, — сообщил Мориц, чувствуя себя совершенно лишним в этой сцене.

— Чудесно, — сказала Лило, и они попрощались с господином Розочкой. — Восхитительный мужчина, — добавила она, когда они поднялись наверх и папа,

тяжело отдуваясь, открывал дверь квартиры.

— Точно. И одевается почти так же хорошо и разнообразно, как ты, — сказал папа и вытер со лба пот.

Лило виновато засмеялась:

— Ах ты, бедный!.. Да, чемодан действительно тяжёлый, уж извини. Но ведь я не знала, какая может быть погода. И потом, у Морица, как-никак, день рождения...

— Хорошо, что ты напостила, а то все мы тут чуть не забыли, — сухо ответил папа, поскольку Мориц уже несколько дней пытался выведать у него, получит ли он новый велосипед. — Ну а теперь нам надо первым делом поужинать. И ты расскажешь нам, чем же закончилась история про даму, проводника и газировку.

МОРИЦ ПРАЗДНУЕТ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Суббота пролетела стремительно, потому что ещё слишком многое нужно было подготовить к празднованию дня рождения.

Бабушка Лило готовила свои восхитительные паштеты и рассказывала о том, что эти секретные рецепты окольным путём достались ей от великой герцогини Оттилии фон Баренбум, прабабушке которой они в свою очередь перепали в качестве подарка ко дню рождения от Екатерины Великой.

Мориц и Тим замешивали фарш для котлет, а мама то собирала, то вновь разбираала корзинки для пикника, чтобы уложить туда всё, что могло им понадобиться в парке.

— Эдгар, где скатерть для пикника? И не видел ли ты где-нибудь наш складной нож?

— Скатерть в шкафу в холле, а складной нож взял Мориц, — ответил папа, который, как обычно, становился тем

спокойнее, чем больше нервничала мама. И это нервировало маму ещё больше.

— И, Мориц, нам нужны те разноцветные бокалы, которые ты как-то брал с собой на школьную экскурсию, — напомнила она.

— Они в шкафу, где всегда и стояли, — ответил Мориц.

— Сабина, сокровище моё, ведь это всего лишь детский день рождения, — ласково сказала бабушка и обняла маму.

— Мне будет уже десять! — возмутился Мориц.

— Да, разумеется, — сказала бабушка. — Но я не думаю, что твоя мама пригласила на это событие президента республики.

Наконец всё было готово, и все уселись, усталые, но довольные, за кухонный стол и поели чечевичного супа.

— Я так волнуюсь, — сказал Мориц. — Подарят ли мне велосипед?

Его родители переглянулись.

— Мориц, во-первых, день рождения у тебя завтра. А во-вторых, мы тебе

уже не раз говорили, что не считаем это необходимым. Старый велосипед ещё вполне годится.

— Он мне уже мал, — настаивал Мориц. — Даже когда седло поднято до упора.

— Но ездить на нём всё ещё можно, — возразил папа.

— Только в крайнем случае, — уточнил Мориц.

— Ну да, ну да, — сказал папа.

Лило рассказала, как она в детстве училась ездить на взрослом дамском велосипеде старшей сестры.

— И вот однажды я взяла этот велосипед из сарая и поехала на нём по нашей деревенской улице, — говорила она. — А дорога, как назло, шла под горку. Ну и я не сумела затормозить. Что тут скажешь? Экскурсия закончилась в деревенском пруду. И для меня, и для велосипеда.

Все засмеялись.

— Это лучшее доказательство того, что велосипед должен быть подходящим по размеру, — подвёл итог Мориц.

На следующий день Мориц был разбужен широким солнечным лучом, который падал сквозь шторы. Наступил день его рождения! И светит солнце!

Тут в дверь постучали, и вошла мама:
— Ну, мой Большой! Поздравляю тебя с днём рожденья!

Вслед за ней вошли остальные, и Лило пропела:

— Как мы рады, как мы рады, что родился ты у нас!

И даже Тим сказал что-то вроде «денья-денья».

Прошло ещё некоторое время, пока все умывались и одевались, но в конце концов настал момент, когда Морицу разрешили войти в гостиную. На столике с подарками стояли очень ярко украшенный шоколадный пирог и букет цветов, перед которым горела толстая свеча, а вокруг лежало множество свёртков. Но куда бы Мориц ни глянул, велосипеда нигде не было. Вообще-то он знал, что так и будет. Но всё равно был жестоко

разочарован. Он старался не подавать виду и разворачивал свёртки один за другим. Футбольная форма с символами его любимой команды, новый пенал и настольная игра. Бабушка Лило подарила ему школьную сумку, о какой он давно мечтал.

— Супер! — сказал он от всего сердца и решил несмотря ни на что радоваться дню рождения.

Они лишь слегка перекусили за завтраком, потому что уже в двенадцать должны были собраться гости для выхода на пикник. Мориц заранее выбрал просторную поляну неподалёку от детской игровой площадки и прихватил с собой ещё кое-что для игр, не забыв и свой стеклянный шарик. Он уже настолько привык носить его с собой, что карман казался пустым, если шарика в нём не было.

Ровно в двенадцать в дверь позвонили, и Оле бросился к Морицу:

— Эй, поздравляю! Теперь ты наконец-то догнал меня по возрасту!

Он подарил Морицу великолепный альбом для вырезок и картинок с федеральной футбольной сборной, которые Мориц собирал, но хранить их ему приходилось в деревянном ящичке. Лили пришла чуть позже и принесла ему бадминтон, который они решили испробовать сегодня же в парке. Наконец раздался третий звонок, и в дверях возник господин Розочка. На сей раз он выбрал светлый вельветовый костюм, под который надел голубую клетчатую рубашку, а в кармашек костюма вложил подходящий к рубашке платок. В руке он держал довольно бесформенный свёрток.

— Сердечно поздравляю тебя, Мориц, мой мальчик, — сказал он. — Желаю тебе всего наилучшего, — и с этими словами протянул ему свёрток.

Когда Мориц развернул его, там оказался очень надёжный велосипедный замок с пультом управления.

— Ну круто! — удивился Мориц. — Правда, велосипед мне так и не подарили.

— Вот как! — сказал господин Розочка, поклонившись бабушке Морица, которая тоже вышла к дверям. — Госпожа Лило, вы выглядите волшебю.

И это была правда. Седые локоны окружали её лицо сиянием, губы были накрашены ярко-красной помадой, а оде-та она была в голубой костюм.

— О, большое спасибо, — сказала она, и щёки её порозовели.

Однако времени на все эти любезности уже не оставалось, поскольку праздничная процессия пришла в движение. Впереди шествовали мама и папа, за ними следовали дети, а на некотором расстоянии позади шли господин Розочка и Лило.

На половине пути, уже в парке, Мориц заметил двоих мужчин, которые недавно так ожесточённо спорили в поисках паркового тигра. Похоже, они и теперь искали его, потому что заглядывали под каждый куст и наступали на клумбы с только что высаженной рассадой.

Мориц немного поотстал и присоединился к господину Розочке и Лило,

которые углубились в оживлённый разговор об английских парках.

— Сады поместья Хидкот-Мэнор — это мой самый любимый образец, — мечтательно говорила Лило. — Конечно, ими надо любоваться ранним летом... О, привет, новорождённый!

— Господин Розочка, — торопливо сказал Мориц, — там впереди двое мужчин, которые недавно спорили о парковом тигре. Я думаю, они его по-прежнему ищут.

— Какой фантастически удачный случай, — сказал господин Розочка. — Сейчас я подскажу им одну штуку.

Они ускорили шаг и поравнялись с двумя торчащими из кустов задами. Головы мужчин скрывались в глубине живой изгороди. Господин Розочка кашлянул. Мужчины не среагировали. Господин Розочка кашлянул громче. Высокий с трудом попятился из кустарника на дорожку и поднялся на ноги. Его джинсы, перепачканные в земле, и помятая рубашка составляли разительный контраст с опрятным видом господина

Розочки. В руках он держал фотоаппарат, по виду очень дорогой.

— В чём дело? — спросил он.

— Я подумал, вдруг могу быть вам чем-то полезен, если вы что-то ищете, — любезно произнёс господин Розочка.

— Не думаю, — сказал мужчина и уже собрался снова опуститься на четвереньки и лезть в кусты.

Мориц видел, что господин Розочка сделал рукой несколько мелких движений в сторону фотоаппарата. Но, похоже, никто кроме него не заметил, как фотоаппарат ненадолго вспыхнул ярким светом, после чего снова приобрёл нормальный вид.

— Если дело касается паркового тигра, то я мог бы дать вам кое-какие разъяснения, — заметил господин Розочка.

Мужчина удивлённо уставился на него.

— Ага, и что же это за разъяснения?

— Мой друг, директор Зоологического института, в прошлом году действительно обнаружил в парке маленького тигра, это верно. Но при более подробном

исследовании установили, что это животное в наших широтах получает слишком мало тепла. После этого было принято решение переселить маленького тигра на берег какого-нибудь залива в Англии, там великолепные парки и куда более мягкий климат, чем здесь.

Мужчина смерил его скептическим взглядом.

— Но я ни в коем случае не хочу вас удерживать от того, чтобы вы и дальше ползали в кустах, — заключил господин Розочка и повернулся, чтобы уйти.

— Эй! — окликнул его мужчина. — А откуда вы знаете, что мы вообще заняты поисками паркового тигра?

— Мне рассказал об этом мой юный друг, который недавно слышал ваш разговор, — сказал господин Розочка и указал на Морица.

— А. Ну да... Видите ли, мы хотим сделать снимок для «Звезды», — сказал мужчина, на сей раз несколько дружелюбнее. — Мы ещё осенью хотели. Но тогда была такая суматоха. И я подумал,

что, может, теперь мы его найдём. Времена тяжёлые. А мы могли бы заработать на этом хорошие деньги.

— Да, я понимаю, — сказал господин Розочка. — Но я думаю, вам лучше сосредоточиться на форзициях. Изображения цветов сейчас весьма популярны.

— М-да... — нерешительно протянул мужчина. — А вы уверены насчёт Англии?

— Совершенно, — ответил господин Розочка.

— Ну вот. Не повезло нам. Спасибо за подсказку.

— Не за что.

И господин Розочка с Морицем зашагали дальше. Когда они отошли достаточно далеко, Мориц сказал:

— Но ведь это же неправда.

— Верно, — весело сказал господин Розочка. — Но лучше хорошо придумать, чем плохо рассказать.

— Я тоже всегда так говорю! — восхищённо воскликнула Лило.

— Кроме того, мне ведь нужно обезопасить Руди, — добавил господин

Розочка. — Скоро ему придётся вернуться в парк. Хайнрих — не самая подходящая компания. А фотографии форзиций они продадут очень хорошо.

— Вот как, — сказал Мориц, догадываясь, что мгновенное свечение фотоаппарата было не случайным. — А откуда вы знаете?

— У меня такое чувство, — ответил господин Розочка.

Наконец они дошли до лужайки, где предполагалось провести пикник. Но едва Мориц успел опустить на землю рюкзак, как из кармана у него выпал стеклянный шарик и покатился к противоположному краю лужайки.

Мориц глубоко вздохнул. И погнался за ним, спотыкаясь и стараясь не упустить шарик из виду. На оклики остальных он не обращал внимания. Оле бежал за ним следом, крича:

— Ну что там ещё?!

На мгновение Мориц потерял шарик из виду, но потом снова обнаружил его под деревьями. В конце концов

он остановился между двумя цветущими каштанами. Мориц поймал шарик, а когда поднял голову, прямо перед ним стоял велосипед. Он серебристо поблёскивал и казался совсем новым. И лишь мгновение спустя Мориц заметил на нём поздравительную открытку.

«Дорогой Мориц, — было написано на ней. — Сердечные поздравления с днём рождения, и всегда приятной езды!»

Мориц стоял, смущённый и озадаченный, и разглядывал открытку, вертя её так и эдак. Посмотрел на велосипед. И только потом издал радостный вопль.

— Эй, чего орёшь? — услышал он голос Оле у себя за спиной, но в следующее мгновение Оле онемел. Дар речи вернулся к нему не сразу: — Вау! Вот это да! Он твой?

— Кажется, да, — ответил Мориц и протянул ему открытку.

— Но от кого такой подарок?

— Тут не написано...

Оба с подозрением смотрели на велосипед. Он был именно такой, каким и представлял себе Мориц: серебристый, с синей молнией на раме и с изогнутым рулём. Мориц погладил седло ладонью и сказал:

— Нам, наверное, надо вернуться к остальным.

Он покатил велосипед через лужайку, к гостям. Мама и папа смотрели издали, как он приближается.

— Ну, Мориц, и что же это такое? — спросила мама. — Никак, ещё один подарок ко дню рождения?

— Похоже на то, — сказал Мориц и снова принялся разглядывать открытку. — Но я даже не представляю, от кого... — И тут он заметил смеющееся мамино лицо. Он просиял, оставил велосипед и бросился ей на шею. — Большое, большое спасибо!

— Не за что, — сказал папа и тоже получил свою долю объятий. — Мы хотели заставить тебя немного помучиться. Своим нытьём ты уже мог составить конкуренцию Тиму!

— Как удачно получилось, что я подарил тебе новый замок, — заметил господин Розочка.

Мориц проехал несколько кругов по дорожкам парка и с радостью обнаружил, что велосипед не просто хороший, а прямо-таки превосходный. Он был ему в точности по росту, легко катился и слушался руля.

— Супер, — сказал Мориц, вернувшись к гостям. — А теперь давайте есть!

Во время пикника он рассказал про домашний арест Сильвио.

— Похоже, кое-кто по полной срывает зло на своих детях, — сказал господин Розочка. — Когда мы его навестим?

— Как только вы окончательно выздоровеете, — ответил Мориц.

— Ждать осталось недолго, — заверил господин Розочка.

После пикника господин Розочка и Лило, развлекавшие общество своими историями, простились со всеми и ушли. Господин Розочка сказал, что он пока слаб и хочет отдохнуть. А для бабушки Лило земля в парке была ещё холодновата.

— Сегодня вечером мы все вместе отправимся есть пиццу, — на прощание сказала она. — Тогда я смогу вам рассказать, как однажды в Италии я по ошибке заказала пиццу со свиными ушами.

Господин Розочка рассмеялся и взял её под руку. Мориц смотрел им вслед, когда они шли по лужайке, и его сердце до краёв наполнялось теплом и радостью. Внезапно около него оказалась Лили.

— Какая прекрасная пара, — сказала она и улыбнулась Морицу.

— Но они вовсе не... — хотел было возразить Мориц. И умолк.

Разумеется, они не были парой. Но такой весёлой, как сегодня, он свою бабушку никогда прежде не видел. И у господина Розочки он тоже заметил какое-то внутреннее сияние, которого раньше не было.

— Чепуха! — решительно сказал Мориц и повернулся к Лили.

В конце концов, ведь это же старые люди, какая ещё пара!

Всю вторую половину дня они провели в играх и в поисках клада, которые придумал для них папа. В сундуке с сокровищами он спрятал несколько очень сложных деревянных головоломок, над которыми им пришлось как следует попыхтеть.

Домой счастливый Мориц ехал на своём велосипеде.

Так же как и вечером в пиццерию, хотя она находилась сразу за углом.

— Его же надо объездить, — объяснил он родителям, как будто речь шла о норовистом молодом коне.

Перед входом в пиццерию он прислонил велосипед к фонарному столбу и воспользовался своим новым радиоуправляемым велосипедным замком. Господин Розочка не пошёл с ними в пиццерию, но сказал ему в качестве напутствия, что замок этот совершенно особенный.

— Он громко взывает о помощи, если кто-то хочет его взломать. И перестаёт вопить, когда ты нажимаешь на пульт.

Мориц потом только и делал, что проверял это на практике, и даже повар пиццерии, обычно такой добродушный, выскочил на улицу и довольно несдержанно попросил его прекратить свои опыты.

За едой они обсуждали новый велосипед, и Мориц всё не мог наговориться досыта.

— Тормоза функционируют очень хорошо, — сказал он, набив рот пиццей

с салями, — и свет гораздо ярче, чем у моего старого, а звонок...

— Сначала проглоти свою пиццу, тогда я хотя бы пойму, что ты говоришь, — попросила мама. — А как нам быть с твоим старым велосипедом? Ты должен признать, что он у тебя ещё в полном порядке. По крайней мере, выбросить его жалко.

— Может, продать? — предложил папа. — Тогда ещё кто-нибудь ему порадуются.

И вдруг Мориц сообразил, кто может порадоваться его велосипеду. Но денег у того человека не было. Он только что лишился своего велосипеда из-за несчастного случая. А ростом он был меньше Морица, и велосипед пришёлся бы ему впору.

— Сильвио! — сказал Мориц. — Я его почищу и подарю Сильвио.

СИЛЬВИО ПОЛУЧАЕТ ПОДАРОК

В следующие дни на улице стало ещё теплее и всё расцвело. Лило готовила для Морица запеканку из вермишели или кайзершмаррн — кусочки сладкого омлета. В гости часто захаживал господин Розочка, с которым она каждое утро уходила гулять в парк.

В выходные папа помог Морицу привести в порядок старый велосипед. Они смазали цепь, заменили повреждённый провод, идущий к фаре, и подтянули тормоза. Потом до блеска протёрли и почистили велосипед. Мориц не мог не признать, что теперь он снова выглядит как новенький. Один раз к ним зашёл господин Розочка — как раз в тот момент, когда они с папой ползали вокруг велосипеда на четвереньках, — и Морицу показалось, что он сделал несколько мелких движений в сторону велосипеда, после чего ржавых пятен на нём стало гораздо меньше, чем раньше. Но это, конечно, могло ему только почудиться.

Мориц не видел Сильвио уже несколько дней. В понедельник он хотел наконец передать ему велосипед.

— Я думаю, тебе не стоит идти туда одному, — сказал папа. — Но у меня как раз будут занятия с учеником. Может быть, господин Розочка сможет тебя сопровождать?

Тот сразу согласился.

— У меня в любом случае не было никаких планов, — сказал он. — Мы можем прогуляться через парк, мне это только на пользу.

Они условились встретиться в половине четвёртого, и Мориц поторопился до этого сделать домашнее задание по математике.

В парке было на удивление пусто, и тем заметнее оказались те двое фотографов, которые, хорошо экипировавшись, фотографировали каждый цветочек.

— Удачи вам! — пожелал господин Розочка, проходя мимо.

— А идея насчёт цветов оказалась беспроектной! — крикнул в ответ один

из них. — Фотографии просто рвут у нас из рук.

— Приятно слышать, — сказал господин Розочка и тонко улыбнулся.

На улице, где жил Сильвио, не было ни души, и даже те мальчишки, что обычно гоняли в футбол, сейчас, похоже, сидели по домам.

— Ну, давай попытаем счастья, — сказал господин Розочка, когда они стояли перед дверью Сильвио.

Мориц набрал в грудь побольше воздуха и только после этого поднял руку и позвонил.

Дверь открылась почти сразу, за ней стоял Сильвио. Его удручённая физиономия просияла, когда он узнал Морица.

— Привет! — сказал он и с любопытством посмотрел на господина Розочку.

— Должно быть, ты Сильвио, — начал господин Розочка. — А я Леопольд Розочка, друг и сосед Морица, — и с этими словами он протянул мальчику руку.

Сильвио пожал её и сказал:

— Добрый день, очень рад. — Он переводил взгляд с Морица на господина Розочку и обратно. — Но я под домашним арестом, и мне вообще-то нельзя принимать гостей.

— Но у Морица, — продолжал господин Розочка, — есть для тебя кое-что.

Сильвио вопросительно посмотрел на Морица:

— Что же?

Мориц выкатил вперёд свой сверкающий велосипед. Он был несколько смущён.

— Я подумал... Мне подарили новый велосипед, а поскольку твой погиб... в общем, я хотел бы подарить тебе свой прежний.

Сильвио уставился на велосипед.

— Он отремонтирован, — неуверенно сказал Мориц. — И почищен.

Теперь Сильвио посмотрел на него. И Мориц с облегчением увидел, что тот сияет улыбкой от уха до уха.

— Это же... вау... это же круто! Большое, большое спасибо, — сказал Сильвио

и пожал Морицу руку. — А родители-то мои как обрадуются! И я наконец снова смогу ездить в школу! — Сильвио гладил блестящую раму, а Морицу было немного стыдно, что он так мало ценил свой велосипед, пока был его хозяином.

— Может, нам можно будет на минутку войти? — спросил господин Розочка. — Я хотел бы переговорить с твоим отцом.

— Его сейчас нет дома. И потом... знаете, мой отец очень... — Сильвио запнулся, — ...очень нервный.

— Да, я об этом уже слышан, — ответил господин Розочка. — Но это не может отпугнуть меня настолько, чтобы немного не поболтать с ним. Нервные люди тоже нуждаются в добром слове.

Сильвио стоял в нерешительности и, казалось, о чём-то раздумывал.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Попадёт мне в любом случае, будь что будет.

И он пригласил их в дом. Велосипед он тоже завёл внутрь и поставил в комнате. После этого они сели в гостиной и стали ждать, коротая время за стаканом яблочного шорле — сока с газированной водой.

— Как твоя нога? — спросил Мориц.

— Уже всё хорошо.

— На следующей неделе мы хотели бы поехать в гости к моей подруге Пиппе, которая готовит великолепное мороженое, — сказал господин Розочка. — Настолько великолепное, что оно делает людей счастливыми.

— Да, Мориц уже говорил про это, — припомнил Сильвио. — Но мне наверняка не разрешат.

— Ну, это мы посмотрим, — ответил господин Розочка.

В этот момент в замочную скважину вставили ключ. Сильвио вздрогнул.

— Не беспокойся, — сказал господин Розочка. — Может, сходите пока поиграть в футбол...

Но тут в комнату вошёл господин Пиннеберг. Выглядел он печальным, но печаль мгновенно сменилась гневом, когда он увидел Морица и господина Розочку.

— Кто вы такой? — подозрительно спросил он господина Розочку. — И что вы делаете у меня в гостиной? Вы что, явились из органов опеки? А что здесь делает этот мальчик?

— Нет, я не из органов опеки. Я друг Морица, Леопольд Розочка. И я только что познакомился с вашим сыном, который был так любезен, что не заставил нас ждать на улице, — ответил господин Розочка.

— Ждать? Кого? — раздражённо уточнил мужчина.

— Вас, — очень спокойно ответил господин Розочка. — У меня есть отчётливое впечатление, что сложившаяся ситуация требует разговора о ваших методах воспитания.

Отец Сильвио встал перед ними во весь рост.

— Мои методы воспитания — это моё личное дело, — сказал он, сощуриив глаза. — И если вы немедленно не покинете мой дом, я позвоню в полицию.

МОРИЦ БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТ В ЭТОЙ ЖИЗНИ

Мориц ждал, что господин Розочка вот-вот достанет свою волшебную солонку. Но тот послушно поднялся, чтобы уйти.

— О, я не думаю, что понадобится полиция, — сказал господин Розочка по-прежнему доброжелательно. — Мы и без неё последуем вашему любезному приглашению.

Господин Пиннеберг молча смотрел на него. Сильвио сжался в своём кресле и, казалось, не смел даже поднять голову.

Мориц уже направился к двери.

— Но вам всегда следует помнить, — спокойно продолжал господин Розочка, — что родители являются образцом для своих детей. Это касается и вопросов гостеприимства. Спасибо, Сильвио, за яблочный шорле. И желаю вам хорошего дня. — С этими словами он приподнял шляпу и повернулся к выходу вслед за Морицем. За спиной у них не было слышно ни звука.

Когда дверь дома закрылась за ними, Мориц вздохнул с облегчением:

— Уф!

— Да, такой действительно может запугать, — сказал господин Розочка.

— Почему вы ничего не сделали? — спросил его Мориц по дороге к парку.

— Для начала я хотел составить о нём представление. Ты же знаешь, Мориц, обычно я отлучаюсь на целые недели, чтобы помочь людям. Зачастую я делаю лишь то, что могут сделать и хорошие друзья. Выслушать. Поддержать. Укрепить хорошие качества. Дать совет, если спросят. Но если я сочту необходимым... вот тогда я могу сделать и больше, чем просто хорошие друзья.

— Но господин Хюберих...

— О, то была другая ситуация. Слишком большое давление. Решить было очень просто, — сказал господин Розочка. — А здесь, похоже, у человека неполадки во многих местах. Но не беспокойся, мне уже кое-что пришло в голову.

— И господин Зонненхут...

— Господин Зонненхут был преступник. А отец Сильвио просто несчастлив. И у него много страхов.

— Он грубый, — сердито сказал Мориц.

— Да, — ответил господин Розочка. — Он несчастен и поэтому груб.

У Морица создалось впечатление, что господину Розочке больше не хочется обсуждать эту тему. Но ему казалось, что тот слишком уж сочувствует отцу Сильвио.

— Всё равно вы должны что-нибудь предпринять, — сказал он наконец.

— Всё будет, мой мальчик. Всё будет.

Войдя в подъезд, Мориц пригласил господина Розочку подняться с ним наверх, но старый господин отказался.

— Мне надо сделать ещё кое-какие дела, они не терпят отлагательства.

— Вы скоро опять уедете?

— Вряд ли, — господин Розочка улыбнулся. — В будущем я сосредоточусь, пожалуй, на ближайшем пространстве.

За едой бабушка Лило сообщила всей семье, что поживёт у них ещё некоторое время. И добавила, объясняя:

— Такая хорошая погода!

Мориц посмотрел на неё озадаченно. Лило ещё никогда не меняла свои планы в зависимости от погоды. И она ещё никогда не оставалась у них надолго. У неё всегда оказывалось множество уже назначенных встреч и дел, её всегда ждали друзья, она занималась живописью и ходила в театр.

— И кроме того, — продолжала она, — Леопольд собирался показать мне некоторые достопримечательности города и представить меня своему другу Альфонсу.

Родители Морица переглянулись.

— Значит, Леопольд, да? — сказал отец и усмехнулся.

Лило пропустила это мимо ушей.

Мориц сказал:

— По мне, так это круто. Ты ещё как-нибудь приготовишь кайзершмаррн?

— Конечно, — пообещала бабушка, явно радуясь, что разговор сменил направление.

Родители Морица тоже были довольны тем, что Лило остаётся, и тут же начали планировать, в какие вечера они теперь смогут куда-нибудь пойти.

Они уже почти покончили с едой, когда зазвонил телефон.

Мама сказала:

— Я подойду, — и Мориц услышал, как она назвалась: — Фройденрайх. — Какое-то время не было слышно ничего. Потом мама сказала: — Это был подержанный велосипед. — Потом, уже изрядно негодующим тоном: — Послушайте-ка! — Потом снова молчание, и под конец: — Пристегните его, по крайней мере!

Было слышно, как она бросила трубку.

На кухню мама вернулась со взъерошенными волосами. Это всегда служило признаком того, что она взволнована.

— Это был отец Сильвио, — сказала она.

— Не похоже на то, чтобы он хотел поблагодарить нас, — предположил папа.

— Поблагодарить? Ха! — сказала мама, всё ещё возмущённо. — Дескать, и как это нам взбрело в голову подарить Сильвио велосипед? Его семья, мол, не нуждается в подачках, и завтра утром он выбросит этот велосипед за дверь, где мы сможем его забрать.

— Ну, пошла капуста в рост! — сказала Лило. — Он что, с дуба рухнул?

Они посовещались, как забрать велосипед, и папа решил съездить туда завтра же утром.

— Бедный Сильвио. Мне очень любопытно, что скажет на этот счёт господин Розочка, — сказал Мориц.

На следующий день шёл дождь, и Мориц не мог поехать в школу на велосипеде. Поэтому он явился только перед самым звонком и не успел рассказать Оле про отца Сильвио. Почти одновременно со звонком в класс вошла госпожа Майер. И она была не одна. Вместе с ней вошёл мужчина в зелёной кожаной

куртке — офицер полиции Штуккерт, которого Мориц уже не раз видел возле школы.

— Мориц, не мог бы ты выйти на минуту? — сказала госпожа Майер.

Мориц нехотя поднялся со стула. Неужто отец Сильвио пожаловался в полицию? На нарушение неприкосновенности жилища или как там это называется?

— Я выйду вместе с Морицем. Остальные, пожалуйста, приступайте к выполнению задания три на странице двадцать три. Я вернусь быстро.

Мориц последовал вслед за взрослыми из класса, на душе у него было тоскливо.

— Твой друг Сильвио исчез, — сказал полицейский.

— Что? — спросил Мориц.

— Он сбежал из дома, — озабоченно пояснила госпожа Майер.

— Его родители сегодня утром обнаружили, что сына нет, а вместе с ним пропал и велосипед, который якобы был твоим подарком, — дополнил полицейский.

— Ты подарил Сильвио велосипед? — спросила госпожа Майер.

— Велосипед Сильвио разбился во время аварии, — объяснил Мориц.

— А мне подарили новый на день рождения.

И тогда мы с папой привели в порядок мой старый, чтобы у Сильвио снова был велосипед. У них в семье мало денег, — добавил он.

— И ты привёз ему велосипед вчера?

— Да, но его отец не разрешил ему взять этот велосипед. Он позвонил нам, разъярённый, чтобы мы сегодня же забрали свой подарок назад.

Офицер Штуккерт задумчиво хмыкнул.

— Я думаю, это и есть причина побега. У тебя есть какие-нибудь предположения, где он может быть?

— Нет, совсем никаких. Не настолько уж мы были... Он сбежал ещё ночью?

— Скорее нет, в кровать он всё-таки ложился, — ответил полицейский. —

Я думаю, мы быстро отыщем его или он сам вернётся домой. К счастью, это не похоже на какое-нибудь преступление. Но, разумеется, мальчику в таком возрасте не следует скитаться по городу одному.

— А вы уже искали в парке?

— Искали, но в такой дождь я и не рассчитывал найти его там. Он скорее бродит в каком-нибудь торговом центре или вроде того.

— Хм, — кашлянул Мориц, в голове которого уже складывался план.

— Я дам тебе мою визитную карточку — на случай, если ты что-нибудь припомнишь, — сказал полицейский и распрощался.

Мориц последовал за госпожой Майер в класс, где остальные дети уставились на него с любопытством.

На перемене он уединился с Оле и Лили в дальнем углу двора и всё им рассказал.

— Я считаю, мы должны искать его сами, — сказал Мориц. — Нельзя же бросать его на ночь под открытым небом.

— У меня нет времени, — отказалась Лили. — Мне придётся идти посмотреть квартиру моего отца, — она шмыгнула носом.

— Ох... — сказал Мориц.

— Я могу пойти с тобой на поиски Сильвио, — вызвался Оле.

— Тогда встретимся в три у меня, — подытожил Мориц.

Придя домой, Мориц первым делом позвонил в дверь господина Розочки.

— Входи, Мориц, — пригласил его старый господин. — Всё ли в порядке?

— Ничего не в порядке, — ответил Мориц и рассказал про Сильвио.

— Хм, — задумался господин Розочка. — Меня это не удивляет. Он наверняка был ужасно огорчён. Но вы его непременно найдёте. А я спрашиваю себя... ведь я ещё вчера вечером... Карлу Дитеру... — Бормоча себе под нос, он направился в соседнюю комнату, и Мориц услышал, как он звонит по телефону. — Хм... вот как... не получилось, да?

А чем ты был так занят целый день? Ага. Он в отъезде? Тем не менее. Я напоминаю тебе ещё раз о нашей договорённости. Я ведь могу и по-другому, Карл Дитер. — И он положил трубку.

Мориц задумался, почему это господин Розочка говорил по телефону с противным Зонненхутом, а главное, какое отношение всё это имело к Сильвио. Карл Дитер Зонненхут, бывший криминальный бизнесмен, стараниями господина Розочки вот уже несколько месяцев жил под охраной своего слуги Харальда в Океании. Там Зонненхут, по мнению господина Розочки, мог причинить меньше всего вреда. Мориц тоже надеялся, что у Зонненхута нет возможности обижать бедных жителей Океании.

— Зачем вы звонили господину Зонненхуту? — спросил Мориц.

— Я объясню тебе как-нибудь при случае, — сказал господин Розочка. — На твоём месте я бы сейчас пошёл к себе наверх, Лило пожарила великолепный картофель. И потом, ведь скоро придёт

Оле. Вам надо как можно раньше отправиться на поиски.

Наверху действительно вся квартира благоухала жареной картошкой.

— Привет, Лило! — воскликнул Мориц. — Это я!

— А, это ты, моё перепачканное со-кровище, — сказала Лило. — У тебя такой вид, будто кто-то таскал тебя по грязи волоком.

— Играли в футбол под дождём, — объяснил Мориц и добровольно отправился помыть руки и надеть чистые джинсы.

Ровно в три часа в дверь позвонили. Это был Оле. Но он явился не один. Рядом с ним стоял крепкий и рослый, застенчиво улыбающийся мальчик, которого Мориц и в страшном сне не ожидал бы увидеть у себя на лестничной площадке.

— Можно войти? — спросил этот мальчик.

И Мориц без слов отступил в сторону, впуская в квартиру Штефана Рабен-траута.

МОРИЦ РАЗЫСКИВАЕТ ДРУГА

Трое ребят стояли в прихожей и молчали.

Потом Мориц спросил, обращаясь к Штефану:

— А ты-то что здесь делаешь?

Но ответил не Штефан, а Оле:

— Мы встретились у подъезда, и Штефан сказал, что ему нужно к тебе. — Оле пожал плечами.

— И зачем? — спросил Мориц. — Ты хочешь объяснить мне, почему наврал своему отцу? Почему теперь нам одним приходится выплачивать весь ущерб?

О том, что всё было покрыто их страховкой, он умолчал.

— Я этого не хотел! — воскликнул Штефан. — Но, когда я сидел перед ним... и он так на меня смотрел... — Он осёкся. Потом набрал в грудь воздуха и продолжил: — Но я, конечно, знаю, что вышло по-дурацки, и хотел извиниться. — Эти слова он произнёс будто бы против воли. Но всё-таки

произнёс. — И потом... я услышал в школе, что Сильвио сбежал... и что вы хотите его искать. И... я тоже хотел бы вам помочь.

Оле уставился на Штефана, как будто видел перед собой нечто нереальное.

— А ты уверен, что с тобой всё в порядке? — спросил он с тревогой в голосе и сделал попытку потрогать лоб Штефана.

— Оставь, — сказал Мориц и остановил его руку. — Если ему хочется бегать с нами под дождём, почему бы и нет?

Между тем в прихожую вышла Лило и поздоровалась с мальчиками.

— О, привет, Оле. И тебе тоже добрый день. Я бабушка Морица.

— Штефан. Штефан Рабентраут, — представился Штефан и подал ей руку.

Мориц с удивлением отметил, что Штефану явно доставляет удовольствие собственная воспитанность.

— Мы сейчас уходим, — сказал Мориц.

— Хорошо, — ответила Лило. — Но в любом случае возвращайтесь, когда стемнеет. И оставь, пожалуйста, свой велосипед дома, Мориц.

— Разумеется, ведь остальные тоже без велосипедов, — ответил Мориц.

На улице и впрямь было очень неуютно, и они раздумывали, куда направиться в первую очередь.

— В парк, — предложил Оле.

— В такой дождь? — возразил Мориц. — Кроме того, полиция там уже искала.

— Может, он в игровом зале торгового центра? — предположил Штефан. — Я иногда захожу туда после школы.

— Вряд ли, — сказал Мориц. — Но там по крайней мере сухо. Можем сходить туда.

В торговом центре было так много народу, как будто все в этот день обнаружили, что у них нет летней обуви. Мальчики договорились встретиться у выхода через четверть часа. Мориц пробежался по отделу игрушек, Штефан взял на

себя отдел электротоваров, а Оле отправился в супермаркет и в книжный магазин. Но тщетно. Когда они снова встретились, оказалось, что ни один из них Сильвио не обнаружил.

— Давайте здесь, под крышей, подумаем, куда идти дальше, — предложил Мориц. — Там уж больно мокро.

— А в парке его точно нет? — спросил Оле. — Ведь он мог забраться внутрь корабля.

— Точно... — задумчиво протянул Мориц. — Там внутри сухо. И достаточно места для велосипеда.

Пока добирались до игровой площадки, они промокли до нитки. Штефан шмыгал носом, а Оле дрожал как осиновый лист.

Они сразу побежали к кораблю и с надеждой заглянули внутрь. Но там никого не было.

— Вот проклятье! — Мориц ударил по обшивке корабля. В этот момент что-то выпало у него из кармана. То был

маленький светло-синий шарик, и он сразу пришёл в движение.

— Ох ты! — воскликнул Мориц и побежал за своим стеклянным шариком.

Это была настоящая гонка. Мориц гнался за шариком, Оле старался не отстать от Морица, а Штефан — от Оле. Дождь ещё усилился и хлестал в лицо. Мориц старался не потерять из виду шарик, который быстро катился по дорожкам парка. Но всё-таки на мгновение упустил его, потому что посреди дороги стояли двое мужчин с фотоаппаратами — на сегодняшний день они явно вознамерились фотографировать цветы под дождём.

— Привет, приятель! — крикнул один из них Морицу.

Мориц помахал ему и увидел, как что-то светло-синее сверкнуло у следующего поворота. Он немного прибавил скорость.

Наконец Мориц сократил разрыв и теперь легко мог следовать за шариком, пока тот не выкатился из парка и не остановился на обочине дороги. Мориц

слышал у себя за спиной тяжёлое дыхание Штефана и Оле. Он нагнулся, чтобы поднять шарик, и, когда протянул за ним руку, услышал, как взвизгнули тормоза. Мориц стиснул шарик в ладони и выпрямился.

Прямо перед ним остановился небесно-голубой автобус с широкой серебряной полосой. Дверь распахнулась, и Тимот с заметным нетерпением в голосе сказал:

— Быстренько, быстренько входим, мальчики.

МОРИЦ ЕДЕТ НА АВТОБУСЕ

Мориц уже не раз ездил в автобусе Тимота, и вид этого транспортного средства его не удивил. А вот Штефан и Оле, в отличие от него, раскрыв рты уставились на его сверкающие борта и своеобразно одетого водителя, который жестами поторапливал их войти.

— Идёмте! — ободрил ребят Мориц и первым поднялся в автобус.

Тимот совершенно преобразился с тех пор, как они с Пиппой стали парой. Раньше он всегда сидел в своей кабине мрачный и ворчливый и покрикивал на каждого, кто поднимался в автобус недостаточно резво. Теперь же лицо его было открытым и дружелюбным, и он приветливо улыбался навстречу мальчикам. Но его экипировка по-прежнему оставалась очень странной. На нём была высокая фуражка и зелёная бархатная куртка, застёгнутая на два ряда пуговиц и во многих местах залатанная. На шее был виден стоячий белый воротничок.

— Привет, Мориц! — сказал Тимот, когда мальчишки уже поднялись в автобус. — Меня послал Леопольд, я должен отвезти вас к Пиппе. А вы, должно быть, Оле и Штефан?

Оба кивнули, по-прежнему лишённые дара речи.

— А откуда господин Розочка мог знать... — начал Мориц, но потом решил, что этот вопрос совершенно лишний, и переиначил его: — А где сам господин Розочка?

— У него много дел, но он приедет туда позже, — сказал Тимот. — А теперь быстренько садитесь, я опаздываю.

Мориц вздохнул. Тимот всегда опаздывал и поэтому мчался по улицам города так, будто его автобус был пожарной машиной на вызове. В этот момент Тимот закрыл дверь, мальчишки опустились на сиденья, и автобус рванул с места.

— Кто это? — Оле наконец обрёл способность говорить, а залитый дождём

город за окнами автобуса потерял всякие очертания.

— Это Тимот, — сказал Мориц. — Он друг господина Розочки, но в первую очередь друг Пиппы Корнелиус, которая делает великолепное мороженое.

Упоминание о великолепном мороженом вернуло к жизни и Штефана. До сих пор он сидел на своём месте, молчаливый и напуганный.

— И что, сейчас он отвезёт нас туда? — нетерпеливо спросил он.

— Да, — сказал Мориц. — Похоже на то.

— Но почему? И откуда он знал, что мы выбежим из парка именно в этом месте? — подозрительно спросил Оле.

— Спроси у него, — сказал Мориц, уверенный, что до этого дело так и не дойдёт — Тимот высадит их и в спешке умчится прочь. Мориц и сам многого не понимал, но одно знал точно: на господина Розочку можно положиться во всём, что он делает.

Все трое примолкли и смотрели в окно на город, который становился всё более серым, что не мешало Тимоту весело напевать себе под нос «Что будет, то и будет...». Несколько раз Морицу казалось, что сейчас они неизбежно заденут боком другую машину, но Тимот был потрясюще увёртлив. Удивительным образом они ни разу не задержались на светофоре и очень быстро доехали до Серого Предместья.

— Так, господа, на выход! — скомандовал Тимот ещё до того, как автобус остановился. Все трое поднялись с мест и направились к дверям. — Мне придётся высадить вас здесь, — продолжал Тимот, — но Мориц знает дорогу. А теперь быстро, быстро!

Едва они высадились, как он помахал им — и автобус умчался.

— Однако мы ехали довольно быстро... — сказал Оле и перевёл дух.

Штефан тоже выглядел побледневшим.

Мориц огляделся. Хотя Тимот и был уверен, что они найдут дорогу, но Мориц

до этого был здесь всего дважды — и оба раза в темноте. Сейчас ещё день, но зато идёт дождь.

В конце концов он выбрал направление наугад:

— Вот в эту сторону.

Серое Предместье было мрачным районом. Бывший рабочий пригород, из которого исчезли, однако, как работа, так и рабочие. Когда Мориц оказался здесь в последний раз, он шёл по разбитой неровной дороге и держался подальше от фасадов, которые грозили обрушиться в любой момент. Дорога с тех пор не претерпела никаких изменений. Но вот дома...

Не то чтобы их отстроили заново. Но в окна снова были вставлены стёкла, рамы покрашены, дыры в стенах заштукатурены. Двери больше не свисали с петель. Мусор не валялся у порогов. И Мориц мог бы поклясться, что многие из пожелтевших прежде занавесок были теперь постираны. Коротко говоря, Серое Предместье выглядело

теперь как место, в котором вполне можно жить.

Мориц подумал, не связано ли это с господином Зонненхутом. Криминальный бизнесмен вынужден был подписать бумагу, согласно которой он инвестирует в Серое Предместье много денег. Может, это только начало?

Мориц совсем не был уверен, что они идут в правильном направлении. Он помнил, что лавка Пиппы находилась не очень далеко от главной улицы. Но в трёх или четырёх кварталах от неё? Он понятия не имел. Штефан и Оле понуро плелись следом за ним.

— А как мы будем потом выбирать-ся отсюда? — спросил Оле. — И какой смысл искать тут Сильвио, если это совсем другой конец города?

— Но у нас ведь всё равно не было никаких других идей, где его искать, — сказал Мориц. — И потом, может, всё-таки полиция... О, мне кажется, надо свернуть сюда!

Он показал на узкий переулок, дома в котором стояли как будто ещё теснее. Ему почудилось, что метрах в ста от перекрёстка виднеется сквозь дождь знакомая вывеска. Они ускорили шаг.

Подойдя ближе, они увидели, что на ступенях перед лавкой сидит, сжавшись в комочек, одинокая фигурка, а рядом с ней стоит велосипед. Заслышав шаги, сидящий поднял голову.

— Кто бы мог подумать, — сказал Оле. — Мы всё-таки нашли тебя, Сильвио.

МОРИЦ ЕСТ МОРОЖЕНОЕ

Сильвио выглядел измученным и печальным. Но лицо его просияло, когда он узнал ребят.

— Лавка закрыта, — сказал он вместо приветствия и указал на опущенные жалюзи и табличку, на которой значилось:

«Часы работы — по мере надобности».

А сверху мягким пастельным цветом светила надпись:

«Пиппа Корнелиус. Мороженое на любое настроение».

— Как ты сюда добрался? — спросил Мориц.

— На велосипеде, — ответил Сильвио. — Но всё равно было очень далеко.

— И мокро, — добавил Оле. — Когда же ты выехал?

— Сегодня утром. Дождя ещё не было. Иногда я заходил в какой-нибудь

магазин, чтобы согреться. Но здесь я сижу уже целый час. Я думал, может, у неё обеденный перерыв. Но она всё никак не открывает.

Голос Сильвио звучал совсем уныло.

— А как ты вообще узнал, где находится лавка? — спросил Мориц.

— Имя я знал, а потом просто посмотрел адрес в телефонной книге.

Мориц удивился про себя, почему мороженое Пиппы было настолько важно для Сильвио, что он несколько часов добирался сюда под дождём.

— Тебя полиция разыскивает, — сказал он.

Тут настала очередь Сильвио удивляться:

— С чего бы вдруг?

— Ну, видишь ли, — сказал Мориц, — твои родители сочли ненормальным, что утром тебя не оказалось дома. И полиция, по-моему, того же мнения.

— Но ведь я оставил записку, что хочу всего лишь... — начал было Сильвио, но тут послышался стрёкот, и на окнах стали подниматься, сворачиваясь рулоном, жалюзи.

Сильвио вскочил.

В дверях лавки показалась тоненькая рыжеволосая женщина.

— Мориц! Как я рада тебя видеть! — воскликнула Пиппа, распахивая дверь. — Входите же, на улице так отвратительно!

— Привет, Пиппа, — сказал Мориц. — Это Сильвио. Оле ты и так знаешь ещё с концерта у Альфонса. А это Штефан Рабентраут.

— Входите, — сказала Пиппа. — Леопольд позвонил мне, что вы придёте. А то я и открывать бы не стала в такую-то погоду. На улице ни души.

Мальчики вошли в лавку, которая была совершенно пустой, если не считать весов и старомодного кассового аппарата. Штефан разочарованно огляделся:

— А где же мороженое?

— О, мороженое здесь готовится для каждого отдельно, — объяснила ему Пиппа. — В зависимости от состояния его души.

— Да, и поэтому... — начал Сильвио, но его перебил Оле, решительно заявив:

— Моё состояние души требует огромной порции шоколадного мороженого.

— Ну, тогда подойди-ка сюда, — сказала Пиппа. — Давай посмотрим...

Оле положил ладонь на весы, а Пиппа задумчиво посмотрела на измерительную шкалу.

— Хм... да... немного шоколада в нём допускается, но ты, кроме того, перенервничал и промёрз... Думаю, тебе не повредят цветы бузины и немного перца.

— Бр-р-р, — содрогнулся Оле.

— Но придётся подождать, — ответила Пиппа. — Сначала Сильвио.

— Но... — снова начал Сильвио, однако она, не дослушав его, уже положила на весы его ладонь.

— О'кей, Сильвио, — сказала Пиппа. — Нам необходимо что-то подкрепляющее. Видимо, миндальное мороженое. И добавим немного уверенности в себе, поэтому чуть-чуть ванили, а ещё розовых лепестков.

Мориц заметил, что Пиппа выглядит не совсем так, как раньше. Она

округлилась и, против обыкновения, носила теперь не тесно скроенную одежду, а просторную розовую тунику. Должно быть, она сама немного переела своего мороженого.

У Морица весы показали потребность в тепле. Кроме того, Пиппа хотела усилить его интуицию.

— Твой случай очевидно требует синих васильков, — сказала она. — А к ним немного тёмного шоколада. И всё это в ореховом мороженом.

Затем наступила очередь Штефана. Он целый день был невозмутим и теперь так же спокойно подошёл и положил на весы свою широкую ладонь.

— Так, Штефан, — сосредоточенно сказала Пиппа. — Давай-ка посмотрим... О, это совсем непросто. Хм. В любом случае лаванду, может, ещё календулы. Колокольчики... и совершенно точно каштаны. Да, я думаю, каштаны — именно то, что нужно в твоём случае.

Штефан смотрел на неё без особого воодушевления.

— Каштаны? — переспросил он. — А я-то мечтал о малиновом мороженом.

— А я... — снова начал Сильвио, но Пиппы уже и след простыл.

— Странная какая-то лавка мороженого, — проворчал Штефан. — У нас в торговом центре есть киоск, так там сорок сортов на выбор. И выбираешь сам, по своему вкусу!

— Погоди, — сказал Мориц, который прежде уже испытал на себе удивительное действие здешнего мороженого. — Пиппа славится своим мороженым.

— О'кей, — сказал Штефан, хотя это, судя по всему, его не убедило.

— А ты-то вообще что здесь делаешь, Штефан? — спохватился наконец Сильвио.

Штефан покраснел.

— Наверное, он почувствовал, что должен кое-что исправить, — ответил за него Мориц.

Пиппа появилась с первым мороженым, которое она вручила Сильвио.

— Вот, — сказала она и погладила его по спутанным волосам. — От него тебе станет лучше.

Она снова скрылась в задней комнате, а Сильвио принялся за своё мороженое. Оно было светло-коричневое, в хрустящем вафельном стаканчике и наполнило всё помещение карамельным ароматом. Он надкусил его очень осторожно и вид при этом имел крайне скептический. Однако выражение его лица сразу изменилось, как только мороженое оказалось у него во рту. Он стал похож на кошку, с упоением лакающую молоко.

Далее последовало мороженое Штефана, а вскоре и Оле с Морицем держали в руках свои вафельные стаканчики. Все четверо молчали и наслаждались необыкновенным вкусом мороженого Пиппы. Даже Штефан Рабентраут, казалось, был доволен.

Пиппа стояла тут же и с улыбкой поглядывала на мальчиков. Мориц опять подумал, что выглядит она иначе, чем

обычно. Но ему никак не удавалось разгадать, что именно стало другим.

Он почувствовал, как ему стало теплее и спокойнее, и он уже почти забыл, для чего они вообще тут оказались. Но когда вспомнил об этом, то испугался.

— Сильвио, мы же непременно должны позвонить твоему отцу! — спохватился он. — И в полицию, они тебя разыскивают!

Но Сильвио не слушал его, вместо этого уставившись как заворожённый на входную дверь.

В этот момент дверь распахнулась и вошёл господин Розочка. А за его спиной показался отец Сильвио, по лицу которого быстро пробежала череда разных чувств: огорчение, злость, сочувствие. Но главное — облегчение и радость.

— Сильвио! — воскликнул он. — Мой мальчик...

Он раскрыл объятия, и Сильвио, оставив своё мороженое, бросился к нему.

На какой-то момент все смущённо затихли, потому что каждый боялся им

помешать. А потом заговорили наперебой. Штефан вспомнил, что ему уже пора домой, но перед этим он хотел бы получить ещё одну порцию такого мороженого; Оле возразил ему, а Мориц спросил у господина Розочки, откуда они узнали, что Сильвио здесь.

— Сильвио написал записку и оставил её в прихожей. В волнении записку не заметили, да к тому же смахнули её в угол. Но в конце концов её нашли. Правда, они не знали, кто такая Пиппа, и после обеда позвонили Морицу, а я как раз беседовал там с Лило. Отец Сильвио был очень благодарен, что я подсказал ему, где надо искать, — с удовольствием объяснил господин Розочка.

Сильвио между тем отлепился от своего отца.

— Я так рад, что ты жив и здоров, — сказал господин Пиннеберг. — Мы за тебя ужасно волновались.

— Но я же оставил записку, — сказал Сильвио. — И ведь это... Мориц говорил, что Пиппа своим мороженым делает

людей счастливее... и я... — он запнулся, — я подумал, если она сделает мороженое тебе, только для тебя, тогда ты, может быть, снова станешь счастливее.

Отец посмотрел на него и судорожно сглотнул. Потом открыл было рот, но смог издать только хрип. В уголке его глаза медленно скопилась слеза и покатилась вниз по измученному лицу.

У Морица в горле застрял комок, и он уже боялся, что сейчас расплачутся все, но тут снова раздался звон дверного колокольчика.

И на сей раз он не поверил своим глазам.

Загорелый до черноты и тщательно выбритый, облаченный в яркую гавайскую рубашку, в дверях стоял человек, которого Мориц предпочёл бы не видеть больше никогда в жизни.

— Вот и я, месяё Розочка, — сказал Харальд, входя в лавку.

ГОСПОДИН РОЗОЧКА ПОСЕЩАЕТ СТРОЙКУ

Последний раз Мориц видел Харальда, когда их захватили в плен на вилле Карла Дитера Зонненхута и когда господин Розочка принудил своего старого школьного товарища в конце концов уехать в Океанию. Харальд раньше был слугой Зонненхута, а теперь охранял его в Океании. Человек он был малопрятный, и Мориц не понимал, для чего господин Розочка, судя по всему, сам вызвал его в лавку Пиппы.

— Красивая рубашка, — похвалил господин Розочка.

— Выбор там не бог весть какой, — огрызнулся Харальд, — а дело было такое спешное, что мне пришлось покупать прямо перед самолётом...

— Как бы то ни было, — перебил его господин Розочка, — теперь-то вы здесь. И сможете запастись новыми рубашками. Бумаги у вас с собой?

Только теперь Мориц увидел, что в левой руке Харальд держит чёрный кожаный дипломат с золотыми замками.

— Mais bien sûr, Monsieur!¹ — сказал Харальд. — Не для того я двенадцать часов летел в этом омерзительно тесном самолёте, чтобы забыть самое главное...

— Приятно слышать, — сухо сказал господин Розочка. И затем продолжил: — Пиппа, большое спасибо за всё, а теперь нам пора идти. Мы как-нибудь заглянем ещё и приведём с собой Лили. Тогда, может, и ей станет немного легче.

Он надел шляпу и жестом предложил остальным следовать за ним.

Они поблагодарили Пиппу и вышли за дверь.

— Теперь мы поедем домой? — с надеждой спросил Штефан, для которого явно было непривычно так много времени проводить на ногах.

— Уже скоро, — сказал господин Розочка. — Но перед этим заглянем кое-куда.

¹ Ну конечно, мессье! (фр.).

— Но я хочу домой... — недовольно протянул Штефан.

— Можешь мне верить или не верить, Штефан, — сказал господин Розочка, — но в данном случае не имеет никакого значения, чего хочешь ты.

— Но не можете же вы меня... — Штефан смолк, натолкнувшись на непреклонный взгляд, так не свойственный господину Розочке.

— Будем считать, что разобрались, — сказал тот. — Идёмте.

И небольшая группа двинулась вперёд. Мориц ни за что не признался бы в этом, но он мог понять Штефана. Дождь лил по-прежнему, было холодно и промозгло. Кроме того, он и сам изрядно устал от поисков и волнений. Он втянул голову в плечи и поплёлся вслед за Сильвио и его отцом.

Сильвио катил свой велосипед, а отец обнимал его за плечи.

— А теперь можно, чтоб велосипед остался у меня? — спросил Сильвио у отца.

— Если Мориц всё ещё согласен отдать его тебе, — ответил господин Пиннеберг и повернулся к Морицу.

— Разумеется, — сказал Мориц.

Между тем они дошли до главной улицы. Как и во время их первого посещения зимой, строящееся здание торгового центра было ярко освещено. Оно высилось над старой тёмной улицей словно космический корабль и, казалось, подавляло всё, что располагалось рядом. Но в отличие от того, что они видели зимой, торговый центр был теперь уже почти готов. И действительно, когда они подошли ближе, Мориц разглядел информационный щит с объявлением об открытии центра в следующем месяце.

Господин Розочка вёл всю компанию прямоком к щитам с информацией о строительстве, и вот они наконец очутились у входа в торговый центр. Внутри тоже всё было ярко освещено, рабочие таскали вёдра с краской и доски, и всюду лежали огромные катушки электрокабеля. Господин

Розочка постучался в стеклянную дверь, и к ним вышел мужчина, с виду походивший на прораба.

— Слушаю вас.

— Добрый день, — сказал господин Розочка. — Леопольд Розочка меня зовут. Господин Зонненхут должен был уведомить вас о моём приходе.

— Меня не уведомлял, — сказал прораб. Затем обернулся и крикнул в глубину помещения: — Ральф, господин Зонненхут предупреждал насчёт господина Розочки?

Какое-то время он слушал, что ему отвечали из глубины, затем кивнул и распахнул дверь:

— Входите. Я, правда, не знаю, что вы собираетесь здесь делать, но защитные каски вам придётся надеть в любом случае. Таково предписание.

— О, конечно, — сказал господин Розочка и снял свою мягкую фетровую шляпу.

Господину Розочке каска придала большое достоинство. Мальчиков было едва

видно из-под их касок. Но самое причудливое зрелище являл собой Харальд в пёстрой рубашке, с дипломатом в руках и в строительной каске на голове. Кстати, на отце Сильвио каска сидела как влитая, будто изначально была для него предназначена.

Торговый центр имел два этажа. Полы выложены блестящей плиткой, стены стеклянные. Некоторые из магазинчиков были уже оборудованы, другие выглядели пока что пустыми и пыльными. Когда компания дошла до середины прохода, господин Розочка остановился.

— Что... — начал было Мориц, но господин Розочка уже повернулся к остальным.

— Вы, конечно, удивляетесь, для чего мы сюда пришли, — сказал он. — Но я подумал, что нам не худо было бы воспользоваться случаем и взглянуть на новое место работы отца Сильвио.

МУЖЧИНА РАСПРЯМЛЯЕТ ПЛЕЧИ

На какой-то момент воцарилось молчание.

Затем господин Пиннеберг начал, заикаясь:

— Новое место работы... но... но я не понимаю... — казалось, у него шок.

— Но вы ведь дипломированный техник по домашним бытовым сооружениям...

— Домашний слесарь, — прошептал Штефан, но смолк, встретившись взглядом с господином Розочкой, который невозмутимо продолжал:

— ...А именно в таких специалистах, как вы сами видите, стройка сейчас остро нуждается.

— Я... конечно, я бы... но как вам это пришло в голову? А вдруг я не смогу... и, кроме того, я уже давно не работал по специальности...

Мужчина опустил плечи и понурился. Казалось, всякое мужество его покинуло.

— И что вообще всё это значит? — снова начал он, и Мориц заметил ноту негодования, которая вновь прокралась в голос Пиннеберга. — Кажется, я не просил вас подыскивать мне работу.

В этот момент свет в торговом центре начал мигать. Становилось то темно, то светло. Мориц услышал, как прораб кричал, призывая бригадира, и ещё увидел, как рука господина Розочки осторожно потянулась к карману пиджака. Когда он вынул её, в ней блеснул какой-то мелкий предмет, и господин Розочка сделал им несколько пассив в сторону оцепеневшего на миг отца Сильвио.

Мориц между тем был единственным, кто наблюдал эту маленькую сцену. Остальные наперебой кричали, смотрели на потолок и испуганно озирались, пока свет не загорелся в полную силу. Никто не обращал внимания на господина Пиннеберга.

Мориц уже однажды был свидетелем того, как человек за какие-то секунды

полностью преобразился. Это было, например, когда господин Розочка превратил ужасного начальника мамы в образец дружелюбия.

Но и тогдашнее впечатление не смогло подготовить его к тому, что он увидел теперь. Отец Сильвио, который только что выглядел сокрушённым — воплощённое несчастье! — теперь стоял перед ними, выпрямившись во весь рост. Его плечи, казалось, стали вдвое шире, чем раньше. Лицо, только что раздражённое, разгладилось и стало приветливым. Он с интересом огляделся и, казалось, лишь теперь осознал, где находится.

— Ну? — спросил господин Розочка. — Вы бы хотели?..

— Ещё бы! — воскликнул отец Сильвио уверенно. — Конечно, это немного больше того, что мне приходилось делать раньше. Но я справлюсь. То, чему учился, уже не забудешь, не так ли?

Мориц слушал его, не веря своим ушам. С Сильвио, похоже, было то же самое.

— Да вы же будете здесь не один, — поддержал господин Розочка. — Тем более с вашим послужным списком, о котором вы мне рассказывали по дороге сюда... Я думаю, господину Зонненхуту с вами сильно повезло.

Харальд между тем поставил свой дипломат прямо на пол и возился с его золотыми замками. После некоторых манипуляций дипломат открылся, и Харальд извлёк оттуда тонкую папочку с бумагами. Он держал её кончиками пальцев так, будто это было что-то очень грязное.

— Вот! — сказал он, протягивая бумаги господину Розочке.

Тот передал их отцу Сильвио со словами:

— Это ваш договор. Лучше всего, если бы вы прочитали его прямо сейчас, и тогда Харальд увёз бы его уже подписанным. Но если вам удобнее, вы, конечно, можете сделать это дома, без спешки...

— Нет-нет, лучше здесь, — сказал господин Пиннеберг, который уже

просматривал бумаги. — Это совершенно нормальный трудовой договор. — Он листал дальше, и глаза его расширились, когда он увидел, сколько будет зарабатывать.

— Да, но это же исключительно... приличная... зарплата, — сказал он.

— Но ведь и объект очень крупный, — заметил господин Розочка, не моргнув глазом. — Наверняка тут придётся когда-то и сверхурочно задержаться. И я совершенно уверен, что нашему другу Карлу Дитеру всё-таки дороже всего то, что его объект будет в хороших руках. Тем более что он и вообще щедрый человек — по крайней мере в последнее время. Все его пожертвования на Детский центр и на Серое Предместье... Да, можно сказать, что в нём проснулось настоящее человеколюбие. N'est-ce pas², Харальд?

Мориц усмехнулся, но, поскольку никто, кроме него, не понял эту шутку,

² Не так ли (фр.).

он постарался быстро вернуть себе серьёзный вид. Харальд смотрел на господина Розочку с отвращением.

— Теперь я могу ехать, месьё Розочка? — спросил он.

— Вы подписали, господин Пиннеберг? Мужчина кивнул.

— Тогда один экземпляр для вас, а второй Харальд заберёт с собой для нашего досточтимого господина Зонненхута. Привет ему от меня — и пусть побережётся от солнца.

Харальд молча сунул подписанный договор в дипломат и поспешил прочь.

— Хорошего полёта! — крикнул ему вдогонку господин Розочка и после этого тоже поспешил к выходу. Мальчики и господин Пиннеберг последовали за ним.

— Боюсь, мы опять заставили Тимота ждать, — обеспокоенно сказал господин Розочка.

РЕБЁНОК БАСТУЕТ

Прежде чем в обычной спешке распрощаться, Тимот всех развёз по домам. Мориц впервые проезжал мимо дома Штефана. Тот жил всего в нескольких кварталах от Сильвио, в доме, который был намного больше дома Пиннебергов. Тут всё выглядело до того чисто и аккуратно, что вообще не было похоже на чьё-то жилище. Живая изгородь тянулась по линеечке, редкие цветы, казалось, были посажены в землю на точно отмеренном расстоянии друг от друга. Сам дом представлял собой коробку, выкрашенную в белый цвет, и внутри этой коробки, похоже, были только прямые углы. Морица пробрал озноб с одного только взгляда.

— Ну пока, — сказал Штефан, выходя. — Спасибо за мороженое.

Вид у него был невесёлый.

— Спасибо за помощь, — ответил Мориц.

Штефан посмотрел на него снизу вверх.

— Я был виноват перед тобой, — сказал он.

И медленно поплёлся к дому, где дверь ему открыла стройная дама с очень светлыми волосами. Казалось, она была не особо рада видеть своего сына. По крайней мере, она даже не улыбнулась ему.

— Бедняга, — неожиданно сказал Оле.

Мориц удивлённо взглянул на него:

— И это говоришь ты?

Оле что-то невнятно буркнул, Мориц не разобрал.

А вскоре и Оле уже нужно было выходить.

— До завтра, — сказал он. — И не забудь про свой доклад!

— Тьфу ты! — Мориц ударил себя ладонью по лбу.

— Что такое? — спросил господин Розочка.

— Я должен был подготовить доклад по естествознанию. Я просто забыл про него.

— Я так не думаю, — сказал господин Розочка.

Мориц удивлённо взглянул на него:

— Но так оно и есть.

— Давай поспорим: ты забыл лишь то, что ты его уже написал. Вот посмотришь дома. А сейчас нам уже выходить.

Мориц подумал, не слишком ли чудаковатым становится со временем этот старый господин. С другой стороны, чудаковатым он был всегда.

Когда они проходили по Липовому кольцу мимо кафе «Липа», Морица чуть

не сшибла девочка, которая стремглав убежала из дверей, не глянув по сторонам.

— Лили! — испуганно воскликнул он. Его подруга заливалась слезами и выглядела такой разгневанной, какой он её ещё никогда не видел. Обычно она всегда была спокойной и весёлой. Она-то, в отличие от него, никогда не забывала про домашние задания и получала только хорошие оценки. И всегда ладила со всеми. Если другие ученики ссорились, она пыталась их помирить. Но сейчас она, кажется, была вне себя.

Лили побежала прочь, как будто не услышав его оклик.

— Лили, стой! — снова крикнул Мориц.

Наконец девочка остановилась, и они её догнали.

— Что случилось, Лили? — спросил Мориц.

— Я не хочу, не буду! — крикнула Лили и возмущённо посмотрела на господина Розочку.

— Чего не хочешь? — мягко спросил старый господин.

— Я ненавижу папину квартиру! Я не хочу эту комнату!

Она перестала плакать и упёрла руки в бока, продолжая ругаться на чём свет стоит. Прохожие уже оглядывались на дрожащую от гнева девочку. Её отец тоже вышел из кафе, но остановился, увидев рядом с Лили господина Розочку.

— Я очень хорошо тебя понимаю, — сказал господин Розочка, склонившись к ней.

— Я не собираюсь переезжать туда-сюда через каждые несколько дней! Даже не подумаю! — кричала Лили.

Господин Розочка кивнул.

— Ничего удивительного, что ты не хочешь, — сказал он. — Но, может быть, в этом есть и свои преимущества? Родители, которые постоянно в ссоре, — это ведь тоже не лучший вариант.

— Тогда пусть они не ссорятся! — воскликнула Лили. — Нам они всегда говорят, что надо мириться с друзьями

и находить компромиссы. А сами не могут найти компромисс, и из-за этого надо переезжать! Нет уж, я останусь в своей комнате!

Господин Розочка снова выпрямился во весь рост.

— Давай вернёмся в кафе, — предложил он. — Ты должна хотя бы попроститься со своим отцом.

— Ха! — Лили топнула ногой и не сдвинулась с места.

— Может, мы всё-таки найдём решение, — сказал господин Розочка. — Идём!

Лили посмотрела на него скептически. Но всё же последовала за ним.

Мориц мгновение колебался, надо ли ему тоже пойти. У него было чувство, что здесь ничем не поможешь.

— Мне надо домой, — сказал он. — Готовить доклад.

Господин Розочка обернулся и подмигнул ему:

— Как хочешь, Мориц. Увидимся позже.

Мориц медленно шёл к дому и размышлял. Почему дети должны расхлёбывать то, что заварили родители? Он представил себе, каково было бы, если бы ему пришлось раз в неделю менять квартиру и всё время переносить туда-сюда свои вещи. Мориц не входил в число самых аккуратных. Его тяготила сама мысль о том, чтобы заранее планировать, где, что и когда ему понадобится.

Между тем он пришёл домой. Папа с Тимом ушли в магазин за продуктами, а Лило сидела в гостиной и читала.

— А я уже волновалась, куда ты пропал, — сказала она. — Ну что, вы нашли Сильвио у Пиппы?

— Нашли, — ответил Мориц. — Я тебе сейчас всё расскажу. Только сначала я должен заняться докладом по естествознанию.

Он скрылся в своей комнате. Оказалось не так просто разыскать всё, что необходимо для доклада. Учебник по естествознанию, правда, лежал в школьной сумке, но нужные материалы были разбросаны по разным углам комнаты и по полкам стеллажа. Кроме того, ему требовался атлас, который он в последний раз держал в руках ещё до своего дня рождения и с тех пор больше не видел. Когда через десять минут он наконец всё нашёл и уже собирался расчистить на столе место для работы, его взгляд упал на голубую пластиковую папку. Он взял её в руки и достал первый из лежащих внутри листов бумаги.

Мориц увидел очень аккуратно начерченную диаграмму погоды, надписи на которой совершенно очевидно были сделаны его собственной рукой. На следующей странице начинался текст короткого доклада, где ясно и убедительно говорилось о формировании погоды, равно как и о влияниях на неё времён года, градуса широты, приливов и отливов.

И когда Мориц просматривал текст страницы за страницей, ему становилось всё яснее, что этот текст он и в самом деле написал сам. Он припоминал отдельные места из учебника естествознания, откуда он списывал то или это. Нашёл и дополнительные материалы, которые использовал в работе. Этот доклад явно подготовил он. Но как же так получилось, что он совершенно забыл, когда и как его писал? Ещё минуту он беспомощно взвешивал папку в руке, а потом решил прочитать этот доклад Лило.

Лило доклад очень понравился:

— Боже мой, какая хорошая работа, Мориц!

И сказала, что всё поняла.

— Сразу видно, что ты очень тщательно во всё вникал, — сказала она.

— Хм, — пробормотал Мориц. — Неделю писал.

В этот вечер Мориц больше не видел господина Розочку, а на следующее утро перед школой уже не успел позвонить ему в дверь. Поэтому ему было очень любопытно, что расскажет о вчерашнем Лили. Он встретил её прямо у входа в школу, и выглядела она куда радостнее, чем в последнее время.

— Привет, Лили! — крикнул он и помахал ей.

Лили сразу подошла к нему.

— Я остаюсь в своей комнате, мне не придётся переезжать с места на место! — воскликнула она, не дожидаясь его вопроса.

— Это здорово, — сказал Мориц, когда они поднимались на школьное крыльцо. — Значит, твои родители теперь не разводятся?

— Разводятся, — сказала Лили, и её лицо снова омрачилось. — Но я останусь в своей квартире.

— Одна? — растерянно спросил Мориц.

— Нет. Мама и папа будут меняться. Одну неделю мама будет жить у своей матери, потом одну неделю — папа в своей новой квартире. Они по очереди будут жить со мной. А я могу сколько угодно ходить в гости то к папе, то к маме.

— И они так просто договорились об этом? — спросил Мориц.

— Нет, не так просто, — возразила Лили. — Это господин Розочка подал идею, чтобы я осталась в квартире. И поначалу они снова принялись кричать друг на друга. Мама сказала, что она и не подумает болтаться челноком туда-сюда только из-за того, что папа захотел съехать.

— И что потом?

— И тогда господин Розочка очень доброжелательно спросил, почему же они собираются устроить это мне.

К этому моменту они уже дошли до своего класса, где Штефан как раз возился с ранцем.

— Привет, Штефан, — поздоровался с ним Мориц. — Всё в порядке?

Лили удивлённо на него посмотрела.

Штефан пожал плечами:

— Да ничего так.

— Рассказывай дальше, — повернулся Мориц к Лили.

— И потом произошло что-то странное. Лампа, видимо, сломалась или вроде того, по крайней мере, свет замигал. А когда он снова загорелся нормально, папа и мама как-то... изменились. То есть не то чтобы они бросились друг другу на шею. Но они вдруг заговорили между собой нормально. Не кричали друг на друга. И мама вдруг сказала, что будет не так плохо, если она станет больше времени проводить с бабушкой. А папа сказал, хорошо, что ему не придётся съезжать из квартиры совсем. Разумеется, им придётся таскать свои вещи туда-сюда. Но ведь иначе это пришлось бы делать мне.

— Супер! — с жаром одобрил Мориц.

— Он совершенно особенный, этот твой господин Розочка, — сказала Лили.

— Да, он такой, — подтвердил Мориц.

Его доклад имел успех, и Мориц сам удивлялся, как хорошо у него получилось рассказать о погоде. Ему почти не пришлось заглядывать в свои записи. И даже Штефан слушал внимательно. Госпожу Майер очень впечатлило, какую большую работу проделал Мориц, и она поставила ему оценку «отлично».

— Это было замечательно, — сказала она. — Много времени у тебя ушло на эту работу?

— Ну, не очень, — ответил Мориц. — Просто мне было интересно.

Сильвио примчался к нему на первой же большой перемене.

— Слушай, Мориц, — сказал он, — я до сих пор не могу поверить.

— Твоя мать обрадовалась?

— Обрадовалась?! — переспросил Сильвио. — Да она плакала от счастья. А потом приготовила нам пиццу. И отец за весь вечер ни разу ни к чему не придрался.

— Когда он, собственно, приступает к работе?

— Со следующей недели. И представь себе, они даже заплатят ему аванс. Так написано в договоре. Папа нам пообещал новые майки к лету.

Они договорились в пятницу встретиться в парке и расстались, потому что прозвенел звонок на урок.

Когда Мориц пришёл домой, там всё было перевёрнуто вверх дном. Дверь в гостевую комнату стояла распахнутой настежь, папа звонил по горячей линии на вокзал и пытался громким пением сбить с толку механический автоответчик и напрямую соединиться с клиентской службой. Лило с горами вещей в руках сновала туда-сюда между ванной и своим чемоданом.

— Мориц, радость моя! — воскликнула она. — У меня совершенно вылетело из головы, что сегодня вечером я приглашена на шестидесятипятилетие моей очень хорошей подруги. А я непременно должна там быть.

— Но ты же сама хотела остаться у нас подольше! — огорчился Мориц. — Кроме того, ты собиралась ещё раз приготовить кайзершмарн.

— Я скоро опять приеду, — заверила Лило. — И даже очень скоро. Но сейчас мне непременно нужно домой. Будь так любезен, принеси мои туфли из прихожей. Ах, как я могла быть такой забывчивой! Эдгар, ты дозвонился до вокзала?

Папа прекратил петь и жестом призвал всех к тишине, а сам тем временем что-то записывал на листе бумаги. Наконец он положил трубку.

— Можешь расслабиться, — сказал он. — Во-первых, ты спокойно успеваешь на поезд без четверти четыре, а во-вторых, твой билет на него тоже действителен.

Лило продолжала лихорадочно складывать в чемодан блузки и платья, однако нашла возможность одарить папу благодарной улыбкой.

— Ах, Эдгар, ты просто сокровище, — сказала она, упаковывая последние вещи. — Мориц, не смотри на меня так скорбно.

В следующий раз я привезу тебе конструктор «Лего» в качестве компенсации. О'кей?

Папа взял тяжёлый чемодан и поволок его на лестничную площадку.

— Это всё?

— Почти всё, — сказала Лило.

С этими словами она спустилась на этаж ниже и позвонила в дверь господина Розочки. Господин Розочка открыл. Он очень удивился, увидев стоящий рядом с ней чемодан.

— Ты решила перебраться ко мне? — спросил он.

— Нет, Леопольд, к сожалению, я должна сегодня уехать домой. У моей подруги день рождения, а я про это совершенно забыла.

Господин Розочка выглядел таким же огорчённым, как и Мориц.

— Но я скоро снова приеду, Леопольд, — пообещала Лило.

И она потянулась к нему и поцеловала его в щёку. И впервые с тех пор, как Мориц знал господина Розочку, он увидел, как тот покраснел.

МОРИЦ ИГРАЕТ В ФУТБОЛ

Мориц наслаждался весной. Как приятно было утром надеть всего лишь шорты с майкой и выбежать на улицу! Он играл со своими друзьями в парке, а по вечерам ему иногда разрешалось лечь спать немного позже — когда они с папой и Тимом ходили в бассейн.

Иногда он ходил на прогулки с господином Розочкой, который, к счастью, уже полностью выздоровел. Тот рассказывал чудесные истории, собранные со всего мира, и делал это так живо, что Мориц будто видел всё своими глазами: покрытые снегом вершины Гималаев, яркие национальные одежды сорбов, красивых индийских женщин и дымящиеся вулканы Новой Зеландии. Мориц надеялся когда-нибудь увидеть в этом мире так же много.

В один из таких вечеров им снова встретились двое фотографов, которые на сей раз нацеливались объективами на розы.

— Вам надо отправиться в Ботанический сад, — подсказал им господин Розочка. — Туда доставили совершенно фантастические цветы из-за океана.

— В самом деле? — спросил высокий. — Я об этом ничего не слышал.

— Поверьте мне, — сказал господин Розочка. — Ведь до сих пор вам не было вреда от моих советов, так? — Мужчина кивнул. — Тогда удачи, — пожелал им господин Розочка, надел шляпу и пошёл дальше.

— А это правда? — спросил Мориц.

— Да, — ответил господин Розочка. — Главным образом потому, что Руди снова просится в парк.

В конце мая Мориц, Лили и господин Розочка поехали к Пиппе. Лавка мороженого на сей раз была полна народу, мороженое, как всегда, было вкусным, а Пиппа, казалось, округлилась ещё больше.

— Что это с Пиппой? — шёпотом спросил Мориц господина Розочку,

удостоверившись, что она их не слышит.

— А что с ней может быть?

— Она стала... немного круглее.

Но ещё до того, как господин Розочка смог ответить, Мориц услышал у себя за спиной весёлый смех.

— А ты наблюдательный, Мориц, — сказала Пиппа. — Я действительно округлилась.

Мориц со стыда готов был сквозь землю провалиться. Но она продолжала:

— У меня будет бэби.

— Ах, вон оно что!.. Пиппа, как хорошо! — обрадованно воскликнул господин Розочка.

— А когда? — это был единственный вопрос, который пришёл Морицу в голову.

— Если никто не ошибся в расчётах, то через четыре месяца, — сказала Пиппа.

— И Тимот... — осторожно начал Мориц.

— Он отец, да, — подтвердила Пиппа.

— Ну, тогда всё хорошо, — вырвалось у Морица, и все засмеялись. В том числе и Лили, которая вообще стала в последнее время гораздо веселее.

Хотя её родители и жили теперь врозь, раз в неделю они ходили куда-нибудь все втроем.

— Это, пожалуй, лучше, чем раньше, — однажды в школе призналась Лили. — Потому что они теперь не ругаются, а чаще смеются вместе. Как будто всё ещё нравятся друг другу.

— Ты думаешь, они смогут снова быть вместе? — спросил Мориц.

— Нет, вот в это я почему-то не верю. Больше похоже на то, что они теперь просто друзья, — сказала Лили.

Но это было лучше, чем ничего, так считали оба.

Господин Розочка в эти недели то и дело куда-то уезжал. Он не говорил куда. Отлучался ненадолго и возвращался всегда в отличном настроении. Если

Мориц спрашивал, где он был, тот отвечал:

— В дороге!

Однажды утром Мориц обнаружил в почтовом ящике приглашение, адресованное всей семье Фройденрайх. Господин Розочка просил их присутствовать на «празднике по случаю лета», который должен состояться в субботу, через две недели, в дальней части парка. Мама смеялась, когда читала это приглашение, а папа сказал:

— Вот Лило обрадуется, она как раз собиралась приехать к тем выходным.

Стеклянный шарик Морица в последние недели смирно лежал у него в кармане. Мориц любил согревать его в ладони и играть им — иногда это успокаивало. Но однажды в июньский вторник шарик снова пришёл в движение. У них как раз был свободный урок на школьном дворе, и Мориц бежал к спортзалу, чтобы взять футбольный мяч. Вдруг шарик выпал у него из кармана и покатился, огибая спортзал. За углом

стоял Штефан Рабентраут и понурившись пинал о стену маленький мяч. Прямо перед ним шарик остановился.

— Привет, Штефан, — сказал Мориц и подобрал свой шарик. — Что ты здесь делаешь?

Штефан пожал плечами и ничего не ответил.

Своё обещание Штефан сдержал и прекратил издеваться над другими ребятами. Его дружба с Мирко на том и кончилась. В школе дела его пошли лучше, потому что на уроках он больше не болтал. Кто не знал его раньше, тот и сейчас не счёл бы его особо одарённым или очаровательным, но всё-таки принял бы за нормального мальчика. Только одноклассники по-прежнему не доверяли наступившему миру. Многие и теперь старались держаться подальше.

— Со мной всё равно никто не хочет играть, — сказал Штефан, продолжая пинать мячик.

Морицу нечего было ему возразить. Для него история со Штефаном была

окончена, ведь тот прекратил свои издательства над слабыми. Но, если подумать, следовало признать, что Штефан старается быть лучше. Он помог найти Сильвио — по крайней мере, присутствовал при поисках. Он прилично вёл себя в школе. Он больше ни к кому не приставал.

— Ты можешь быть вратарём, — предложил Мориц.

— Как?

— Мы играем в футбол. Ты можешь встать на ворота.

— Но я никогда не играл в футбол.

— Но ведь ты представляешь себе, как не дать мячу попасть в ворота, разве нет?

Штефан кивнул.

— Так пошли же, — сказал Мориц.

Другие мальчики посмотрели на Морица удивлённо, когда он вернулся на площадку со Штефаном.

— Штефан встанет на ворота, — решительно объявил Мориц.

Поскольку эта роль была не самой любимой, никто не возражал.

А потом все стали свидетелями неожиданного.

Штефан, который ещё никогда не стоял на воротах, оказался просто предназначен для этого. И не только оттого, что он был рослый и крепкий. Он не боялся упасть в грязь и с неимоверной силой прыгал навстречу опаснейшим ударам. У него были крупные, сильные ладони, а кроме того, зоркий глаз. И никакого страха перед мячом. Через полчаса команда Морица вела со счётом три-ноль, что было в основном заслугой Штефана. Тот стоял в воротах красный как рак и весь перепачканный грязью.

— Круто, Штефан, — сказал Мориц, когда игра кончилась.

И Штефан улыбнулся.

ПРАЗДНИК ГОСПОДИНА РОЗОЧКИ

За неделю до праздника, объявленного господином Розочкой, Мориц плохо написал контрольную по немецкому, и родители были очень недовольны.

— Я тебе сто раз говорила, что ты должен наизусть знать правила грамматики, — сказала мама. — Но для тебя всегда оказывалось более важным что-нибудь другое. И вот результат.

Морицу нечего было сказать. Он знал, что его работа выполнена не очень хорошо, но никак не ожидал, что будет «неуд». Он злился на себя за то, что мало готовился. И, если уж быть совсем честным, ему было особенно стыдно оттого, что даже Штефан на сей раз написал на тройку.

С тех пор как пошла молва о том, какой Штефан потрясающий вратарь, ему больше не приходилось топтаться в одиночестве на переменах. Каждому хотелось заманить его в свою команду. Однажды утром Мориц даже видел,

как Мехмет приглашал Штефана пойти с ним после обеда на футбольную площадку, и Штефан с воодушевлением согласился.

Но самое удивительное он увидел два дня спустя. Какой-то первоклассник упал перед школой и расплакался, потому что портфель у него расстегнулся и всё содержимое рассыпалось по тротуару. Мориц уже собирался подойти к нему, как вдруг увидел, что к маленькому подбегает большой мальчишка и помогает ему снова собрать портфель, а потом протягивает бумажный носовой платок. Маленький ещё немного пошмыгал носом, сказал спасибо и побежал к дверям школы. А большой повернулся, и Мориц узнал Штефана Рабентраута.

— Ну, Штефан, ты даёшь! — уважительно сказал Мориц.

Штефан покраснел и пожал плечами.

— Да ну... — сказал он.

Господина Розочку Мориц видел на этой неделе редко. Кажется, он постоянно был

в разъездах, а когда Мориц однажды позвонил ему в дверь, тот уже надел шляпу, чтобы куда-то идти.

— Очень много хлопот, чтобы организовать праздник, — сказал господин Розочка, которому, казалось, эти хлопоты вовсе не досаждали. — Как ты думаешь, Лило любит гортензии?

Мориц пожал плечами. Он понятия не имел, какие цветы нравятся бабушке. Мысли его занимал совсем другой вопрос:

— Господин Розочка...

— Да, мой мальчик? — отозвался старый господин, перебирая свои ключи.

— Штефан... вообще-то он сильно изменился, и я подумал... может, можно что-нибудь сделать для него.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думал, может, поговорить с его родителями — они постоянно грозят, что отдадут его в интернат!

— Больше они этого не делают, — спокойно сказал господин Розочка.

— Как так?

— Я уже сказал: больше они этого не делают, — ответил господин Розочка, запирая дверь. — А всё остальное ты уже сделал сам.

С этими словами он попрощался и оставил Морица в полном недоумении.

На следующее утро Мориц встретил Штефана перед школой.

— А скажи-ка, — начал он без предисловий, — твои родители по-прежнему грозят тебе интернатом или как?

Штефан остановился и посмотрел на него.

— Странно, что ты об этом спрашиваешь, но нет. Они стали как-то... добрее. Как раз вчера отец по-настоящему похвалил меня за мой трояк. И разрешил мне записаться в футбольный клуб. И... — Штефан осёкся, как будто с трудом верил в то, что собирался сейчас сказать, — ...он даже собирается сам отвезить меня на тренировки.

— Кто бы мог подумать, — сказал Мориц задумчиво.

Штефан кивнул:

— А ведь сперва они даже не хотели впускать твоего господина Розочку...

Лило приехала уже в четверг. Она привезла с собой умопомрачительную историю о морской свинке с челюстями хищника, которая терроризировала собаку её соседей, а также огромную упаковку с конструктором «Лего» для Морица и деревянный набор «Железная дорога» для Тима. Её чемодан, если это вообще возможно, был ещё тяжелее, чем в последний раз.

— Лило, ты упаковала с собой всю свою квартиру? — спросил папа и схватился за поясницу.

— Нет, но следует быть подготовленной ко всему, — сказала Лило.

Затем она попрощалась, чтобы «коротко поздороваться с Леопольдом», и появилась вновь лишь спустя два часа.

— Нам нужно было очень многое обсудить, — пояснила она.

В субботу утром небо выглядело серым, и Мориц уже боялся, что может

пойти дождь. Но в течение дня погода менялась, и после обеда, когда они отправились на праздник, было уже тепло и солнечно. Мама поддалась на уговоры Морица и разрешила ему идти в одной рубашке. Он немного стянул джинсы пониже, чтобы они по-модному сползали у него с бёдер. Тим был, как всегда, очарователен в светло-голубом комбинезончике, про который Мориц точно знал, что светло-голубым он останется самое большее до входа в парк.

Особенно хороша была Лило. На ней было бирюзовое шёлковое платье, а поверх него — короткий жакетик цветом чуть темнее. К наряду она выбрала губную помаду цвета ежевики, а волосы её, казалось, были ещё кудрявее, чем обычно.

— Ты круто выглядишь, — отметил Мориц.

— Так ведь день-то особенный, — сказала Лило и взъерошила ему волосы.

В парке в этот день было оживлённо, и господин Розочка правильно поступил,

выбрав для праздника отдалённый уголок. Когда все собрались, была уже четверть пятого, но старого господина их опоздание не огорчило.

— Добро пожаловать! — крикнул он и распахнул объятия им навстречу. — Лило, ты хороша, как этот летний день!

От Морица не ускользнуло, что мама и папа тайком переглянулись и улыбнулись.

— Да и остальные, конечно, тоже выглядят превосходно, — продолжал господин Розочка. — Особенно шикарно нарядился Тим, я считаю. А у Морица очень красивые трусы, — добавил он, бросив взгляд на приспущенные ниже обычного джинсы.

Сам он был одет в светлый льняной костюм с белой рубашкой и светло-

голубой бабочкой, и улыбка сияла у него на лице.

Наконец настала очередь гостей восхищаться убранством праздника. В середине лужайки стоял длинный белый стол, сервированный красивым белым фарфором, сияющий стеклом и расцвеченный нежными веночками из цветов. В стороне был оборудован большой буфет, на котором официант в белых перчатках переставлял, поправляя, блюда и миски. Господин Розочка выставил в ряд большие кадки с гортензиями, чтобы отгородить ими лужайку от остального парка, и Лило восхищалась разными расцветками этих цветов.

— Ты знал, что я люблю гортензии? — спросила она.

— Я догадывался, — ответил господин Розочка.

Потом он приветствовал остальных гостей: Лили и Оле, которые пришли со своими родителями, Сильвио и всю его семью, Тимота и Пиппу, живот которой

к этому времени ещё заметнее круглился под цветастым платьем, и, конечно, Альфонса. Альфонс несколько погорячился, опрометчиво приведя с собой не только Хайнриха, но и голубоногую олушу Эберхарда.

— Вообще-то они меня слушаются, — говорил он господину Розочке, в то время как свинья и птица норовили разбежаться в разные стороны.

— Но не с первого раза, — уточнил господин Розочка.

Когда Мориц уже надеялся, что все в сборе и можно наконец приступить к еде, он увидел, как к лужайке приближаются две фигуры — высокая и пониже.

— Ой, а это кто? — спросил он у Оле, но тут же сам узнал Штефана Рабентраута и его отца. Отец Штефана обнимал сына за плечи и, казалось, взволнованно с ним что-то обсуждал. Потом они поздоровались с господином Розочкой.

Отец Сильвио между тем вручил маме Морица огромный букет и потом обернулся к самому Морицу.

— Я был с тобой очень неприветлив, — сказал он. Мориц кивнул. — Обещаю тебе, что впредь это не повторится. И я был бы рад, если бы ты заходил к нам.

Он протянул Морицу руку, и Мориц её пожал.

Наконец все сели. Мориц оказался между мамой и Оле, а Лили и Штефан — друг напротив друга. Официант подавал какао, кофе и сладкие пироги, и Мориц доедал уже третий кусок шварцвальдского вишнёвого, одновременно удерживая Тима, чтобы тот не лез руками в сливки.

Господин Розочка постучал по своему стакану.

— Дорогие друзья! Я знаю, что вы пришли сюда лишь для того, чтобы послушать мою красивую длинную речь. — Раздался смех. — Тут мне придётся вас разочаровать. Моя речь будет короткой, но значительной. — Смех усилился. — Вероятно, вы удивились, что я пригласил вас по такому поводу, как лето. Я действительно полагаю, что лето всегда

заслуживает праздника. Но между тем к этому поводу добавился ещё один. — Он сделал короткую паузу, и все смотрели на него с напряжённым интересом. — Я всю мою жизнь прожил в одиночестве, — сказал он. — Во всяком случае, в большей или меньшей степени. И, собственно говоря, я не рассчитывал, что это когда-нибудь изменится.

Мориц растерянно посмотрел на маму. Мама пожала плечами.

— Но несколько недель назад мне выпало чудо. Именно мне!.. — Он улыбнулся. — Я встретил женщину, которая умеет рассказывать истории ещё лучше, чем я. И, разумеется, выглядит решительно лучше меня. Она любит путешествовать так же, как я. И питает особое пристрастие к английским паркам.

Господин Розочка откашлялся.

— И я в неё влюбился.

Шёпот пронёсся над столом, и Мориц с нарастающим пониманием посмотрел на Лило, которая внимательно слушала господина Розочку.

— Последние недели мы использовали для того, чтобы лучше узнать друг друга — да, Мориц, вот и мои поездки. И, чтобы быть кратким, я спросил Лило, не хочет ли она стать моей женой. К моему огромному счастью, Лило сказала «да». Если вас удивляет, что всё произошло так быстро, то я могу ответить на это цитатой из фильма: «Если ты понял, что остаток жизни хочешь провести с кем-то вместе, тебе непременно захочется, чтобы этот остаток жизни начался как можно скорее». Это сказано будто про нас. Я поднимаю мой бокал за Лило.

Мориц сидел как громом поражённый. В то время как все вокруг него аплодировали и вставали, чтобы поздравить пару, а папа со слезами на глазах обнимал свою мать, Мориц просто не мог уразуметь услышанное. Господин Розочка станет его дедушкой! Он-то всегда боялся, что в один прекрасный день тот просто исчезнет. И вот они даже породнились!..

Минутку он посидел совсем тихо, чтобы как следует прочувствовать своё счастье.

Потом встал и пошёл вокруг стола к паре, которая поднялась для того, чтобы принимать поздравления. Подойдя к ним, он сказал:

— Я думаю, вы очень хорошо подходите друг другу.

— Мы тоже так думаем, Мориц, — сказала Лило и обняла его.

— Вообще-то мне следовало просить руки твоей бабушки у тебя, — сказал господин Розочка.

— Я бы, пожалуй, согласился, — ответил Мориц, широко улыбаясь.

В этот момент появилось трио аккордеонистов, и они заиграли танцевальную музыку. Господин Розочка взял Лило за талию и закружил по поляне. Другие последовали их примеру, и вскоре танцевали все. Хайнрих и голубоногая олуша Эберхард забились под куст и смотрели на происходящее издали. Так было лучше — а не то они попали бы

в объектив двум фотографам, которые явились, чтобы запечатлеть радующееся общество.

— Превосходный заказ этот праздник, — сказал господину Розочке тот, что был выше.

— Да, что-то я к вам привязался всем сердцем, — ответил господин Розочка.

Вечером они ещё посидели все вместе дома. Говорили о свадьбе («Только мы вдвоём, в садах поместья Хидкот-Мэнор», — сказал господин Розочка), о том, станет ли менять фамилию Лило и будет ли она называться госпожой Розочка («Фамилия Фройденрайх мне очень нравится», — сказала она), должен ли Мориц называть господина Розочку дедушкой («Я думаю, для начала сойдёт и Леопольд», — сказал господин Розочка) и о том, что теперь станет с его работой. Не хочет ли он уйти на покой?

— О, думаю, что совсем я работу не оставлю. Но я хотел бы теперь

посвящать работе немного меньше времени и не уезжать так далеко и надолго.

Потом Лило ушла к себе в комнату, а мама и папа вышли прогуляться по улице. Мориц остался один с господином Розочкой.

— Мне нравится, что мы теперь родственники, — сказал Мориц.

— Я тоже очень доволен, — сказал господин Розочка.

— Есть одна вещь, о которой я давно хотел вас спросить, — продолжал Мориц, который пока ещё не привык говорить господину Розочке «ты».

— Да?

— Как вы узнали вообще, что вы... что-то вроде... решателя проблем?

Господин Розочка откинулся на спинку стула.

— Ах, видишь ли, — сказал он. — Это забавная история. Я был ещё мальчиком, может, чуть старше, чем ты сейчас. И вот однажды вечером в нашу дверь позвонили, что было очень непривычно:

мы жили в деревне, а там после семи вечера по соседям никто не ходит. Но как бы то ни было, я открыл дверь и обнаружил маленький свёрток. «Господину Леопольду Розочке, лично». Уже одно это казалось странным, потому что никаким господином я тогда ещё не был, да и вообще у нас в деревне были скорее просто мужчины, чем господа.

Мориц слушал его с нарастающим вниманием.

— Ну вот, так или иначе, я развернул свёрток, и в нём оказался деревянный ящичек. Никакого отправителя не значилось. Я так никогда и не узнал, откуда он появился. А в ящичке лежал светло-синий шарик.

Мориц почувствовал, как сильно забилось его сердце. Он стиснул в кармане брюк свой стеклянный шарик.

— Да, светло-синий. Просто маленький стеклянный шарик. Ни у кого из нас, мальчишек, никогда не было такой

игрушки, — продолжал господин Розочка. — И впоследствии он странным образом, как будто нарочно, приводил меня именно туда, куда нужно. Например, к детям, которых мучил Карл Дитер Зонненхут... — Он смолк, и казалось, что воспоминания унесли его далеко в прошлое. — Вот с этого всё и началось. Ну, мы тут с тобой заболтались, а ведь я сегодня немного утомился.

С этими словами он встал. И положил ладонь Морицу на плечо.

— Мне кажется, у тебя тоже есть к этому способности, — сказал он и посмотрел ему прямо в глаза.

— Да, — сказал Мориц.

От волнения у него даже закружилась голова. Он медленно вынул из кармана руку и раскрыл ладонь, на которой лежал шарик.

Господин Розочка посмотрел на шарик.

— Да ведь это... — сказал он и поднял голову.

В его взгляде читались симпатия и радость.

— Это чудесно, — сказал он.

Мориц посмотрел на него неуверенно. Потом попытался улыбнуться.

— А я поначалу даже не понял, — признался он. — И мне было страшновато.

— Бояться не надо, Мориц, — ответил господин Розочка. — Ты не один. Я всегда рядом с тобой.

Мориц кивнул.

— И я с вами, — сказал он.

И они ещё долго стояли в вечерних сумерках, старый мужчина и маленький мальчик. Шарик между ними светился синим сиянием — как ясное небо и спокойное море.

— Жизнь хороша, Мориц, — сказал господин Розочка. — И всё только начинается.

— Да, — ответил Мориц. — Всё только начинается.

И БОЛЬШОЕ СПАСИБО...

После трёх книжек про господина Розочку настало время сказать спасибо — хотя боязнь кого-нибудь забыть чуть было не удержала меня от этого.

Это была идея моей подруги Клаудии Ондрачек — чтобы я попробовала написать историю для детей. Она оказала мне огромную поддержку.

Моим подругам Наташе Науёк и Женни Янс тысяча благодарностей за безропотное чтение каждого варианта рукописи и за умные и ценные замечания. Как хорошо, что вы у меня есть!

То же самое относится к Андреасу Вендероту — я бы ни за что не сдала рукопись без его предварительного одобрения.

Без моего агента Барбары Веннер господин Розочка, пожалуй, не умел бы так хорошо колдовать, и я очень рада, что в своё время познакомилась с ней. Не в последнюю очередь потому, что она умеет расставить книги в книжном магазине...

Всех трёх «Розочек» редактировала и вдохновляла своей чудесной способностью восхищаться Дорит Энгельгард — в этом мне по-настоящему повезло. Повезло мне и с ироничными иллюстрациями Карстена Тайха и с бережным оформлением книг издательством Bloomsbury.

Вообще издательство... Всех сотрудников, участвовавших в создании книг, я хотела бы поблагодарить в лице Ули Хёрнемана, которому только законы физики не позволяли находиться одновременно в двух местах.

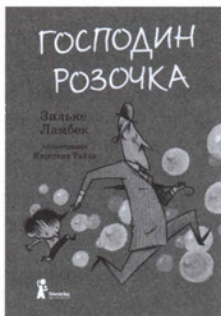
Моим родителям тысяча благодарностей за поддержку практически во всех жизненных ситуациях. И особенно моей матери за чтение самых ранних вариантов текста. Не знаю, что бы я без вас делала.

И без троих мужчин моей семьи тоже ничего бы не вышло — вы самые лучшие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

У МОРИЦА НОВЫЙ ДРУГ.....	3
МОРИЦ ПОЛУЧАЕТ ПОДАРОК.....	16
МОРИЦ ПРИГЛАШЁН.....	24
МОРИЦ ВСПОМИНАЕТ.....	35
МОРИЦ ПРИНОСИТ ТИГРА ДОМОЙ.....	44
РУДИ ОБУСТРАИВАЕТСЯ.....	52
ГОСПОДИН РОЗОЧКА ЗАБОЛЕЛ.....	62
РУДИ ПЕРЕЕЗЖАЕТ.....	69
МОРИЦ ПРОГУЛИВАЕТ ШКОЛУ И УДИВЛЯЕТСЯ.....	80
МОРИЦ ПРИДУМЫВАЕТ ИСТОРИИ.....	93
МОРИЦ ИДЁТ В ГОСТИ К СИЛЬВИО.....	102
ГОСПОДИН РОЗОЧКА ВЫЗДРАВЛИВАЕТ.....	110
ГОСПОДИН РОЗОЧКА И МОРИЦ ПЬЮТ ЧАЙ.....	120
ПРИЕЗД ЛИЛО.....	129
МОРИЦ ПРАЗДНУЕТ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	137
У МОРИЦА ИДЕЯ.....	150
СИЛЬВИО ПОЛУЧАЕТ ПОДАРОК.....	156

МОРИЦ БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТ В ЭТОЙ ЖИЗНИ	164
МОРИЦ РАЗЫСКИВАЕТ ДРУГА.....	176
МОРИЦ ЕДЕТ НА АВТОБУСЕ.....	182
МОРИЦ ЕСТ МОРОЖЕНОЕ.....	190
ГОСПОДИН РОЗОЧКА ПОСЕЩАЕТ СТРОЙКУ	200
МУЖЧИНА РАСПРЯМЛЯЕТ ПЛЕЧИ	206
РЕБЁНОК БАСТУЕТ.....	212
ЛИЛО УЕЗЖАЕТ.....	221
МОРИЦ ИГРАЕТ В ФУТБОЛ.....	228
ПРАЗДНИК ГОСПОДИНА РОЗОЧКИ.....	236
И БОЛЬШОЕ СПАСИБО.....	255

Зильке Ламбек ГОСПОДИН РОЗОЧКА

С тех пор как семья восьмилетнего Морица переехала в другой город, всё пошло наперекосяк. Родители вечно в делах и часто ссорятся, у мамы теперь другая работа и злой начальник, а Морица постоянно задирают его новые одноклассники, и в школу ходить совсем не хочется. Но всё меняется, когда Мориц встречает у себя в подъезде одного дружелюбного пожилого господина. У него очень странное имя — Леопольд Розочка, и он действительно оказывается крайне необычным соседом. Господин Розочка печёт самое вкусное на свете печенье, знает, где собрать урожай разноцветных зонтиков, как найти крошечного паркового тигра и поговорить с настоящим слоном. А ещё, по его словам, он даже может перевоспитать мамино начальство...

«Господин Розочка» — первая из трёх книг о господине Розочке немецкой детской писательницы и журналистки Зильке Ламбек. В 2009 году книга получила престижную французскую литературную премию «Хронос».

Как хорошо, что есть на свете чудесный господин Розочка!

Focus

Чтение, от которого становишься счастливым.

NZZ

Зильке Ламбек с её «Господином Розочкой» удалось создать сокровище, которое — его теплотой по отношению к аутсайдерам и его юмором — напоминает нам Астрид Линдгрен. Иллюстрации Карстена Тайха, выполненные в чётких линиях и выдержанные в стиле 60-х годов, так же чудесно старомодны, как и история этой дружбы.

Märkische Allgemeine

Зильке Ламбек ГОСПОДИН РОЗОЧКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

«Господин Розочка возвращается» — вторая часть трилогии немецкой детской писательницы Зильке Ламбек. В первой книге читатель познакомился с восьмилетним Морицем, его семьей и весьма необычным пожилым господином, который живет этажом ниже. Зовут его Леопольд Розочка, и он знает, где собрать урожай зонтиков, как разговорить самого настоящего слона и найти крошечного паркового тигра. Мориц уже успел к нему привязаться, но господину Розочке пришлось срочно уехать. На прощание он подарил мальчику подзорную трубу.

Как-то раз Мориц от нечего делать решил в нее заглянуть... И увидел нечто невероятное. Похоже, одному очень хорошему человеку грозит опасность, и только Мориц может ее предотвратить. Но без господина Розочки ему не справиться. Мориц должен во что бы то ни стало его разыскать.

Зильке Ламбек удался этот счастливый приём. Иллюстрации вышли из-под пера Карстена Тайха:

его господин Розочка похож на весьма похудевшего Эркюля Пуаро, а Мориц и его друзья также очаровательны, как и герои книг о малыше Николя.

Eselsohr

Именно такие персонажи могут осчастливить детей, измученных повседневными стрессами. Тем более если их история рассказана так хорошо.

Berliner Zeitung

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону №436-ФЗ:
без ограничений

Ламбек Зильке
Куда пропал господин Розочка?

Иллюстрации Карстен Тайх
Перевод с немецкого Татьяна Набатникова
Редакторы Татьяна Бобрецова, Михаил Фролов
Корректор Мария Ямбулат
Верстка Анастасия Колбина
Ведущий редактор Ольга Громова
Шеф-редактор Марина Кадетова
Директор издательства Виталий Зюсько

Регистрационное свидетельство
№ 5087746578123 от 11.12.2008
ООО «Издательский дом «КомпасГид»
101000, Москва, Лубянский проезд, д. 5, стр.1
Тел. (495) 624 24 28
Тел. отдела продаж и интернет-магазина (499) 707 74 75
E-mail: book.kompasgid@gmail.com
www.kompasgid.ru

Ищите нас в социальных сетях:

Подписано в печать 09.03.2017
Формат издания 60х90/16
Печать офсетная
Усл. печ.л. 16,5. Тираж 2000 экз.
Заказ № 2665.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

